

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

СТИЛИСТ *для*
СНЕЖНОГО
ЧЕЛОВЕКА

Любительница частного сыска
Даша Васильева

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Стилист для снежного человека

«ЭКСМО»

2004

Донцова Д. А.

Стилист для снежного человека / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2004 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Вам доводилось есть салат оливье, заправленный сгущенкой? Нет? А вот гости, собравшиеся в особняке в Ложкино, смогли отведать сей деликатес. Безобразие, скажете Вы, и будете абсолютно правы! А все потому, что мысли любительницы частного сыска Даши Васильевой заняты не предстоящим приемом, а очередным расследованием... В ее доме отравили известную актрису Милу Звонареву. На семейство Васильевых ополчилась желтая пресса. В чем только их не обвиняют. Чтобы прекратить поток гадостей в свой адрес, Даше необходимо найти убийцу. Она почему-то точно уверена, что с Милой расправился ее всемогущий любовник, который когда-то пристроил никому неизвестную актрису на главную роль в фильм к именитому режиссеру... Даша неуклонно идет к своей цели, несмотря на разные странности, что ходят дома – то заявится пожить отпрыск старой знакомой стилист Женя – то ли девушка, то ли парень, сразу и не поймешь. А то в кладовой обнаружится настоящий... снежный человек...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дарья ДОНЦОВА

СТИЛИСТ ДЛЯ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Глава 1

Человек не способен лизнуть свой собственный локоть. Девяносто процентов тех, кто прочитал вышенаписанную фразу, сейчас выворачивают руку, дабы на практике проверить: так это или нет. Увы, люди устроены таким образом, никогда не верят тому, что прочитали в книгах, не слушают старших и не учатся на чужих ошибках. Ну сколько можно повторять: курить вредно! Ан нет, даже зная, что его ждет рак легких, перемежающаяся хромота и прочие напасти, индивидуум тянется к сигаретам. А уж какое количество статей написано о пьянстве! И что? Кто-нибудь бросил пить? Еще очень нехорошо прелюбодействовать. Все бы ничего, живи мы этак в семнадцатом веке, вот когда для неверных супругов были созданы все условия. Муж уезжал на войну, самолетов, компьютеров и мобильных телефонов, вкупе с системами подсматривания, сами понимаете, тогда еще не придумали. У оставшейся дома жены имелось полным-полно свободного времени, и дамы успевали не только пустить к себе любовника, но даже родить незаконно зачатого младенца и отдать его на воспитание, прежде чем муженек, усталый и израненный, возвратится в родные пенаты. Жаль только, что шалуни прошлых веков не имели гормональных средств контрацепции. Но ведь не может же быть у человека полное счастье? Вот мы, например, получили контроль за рождаемостью, но одновременно с ним приобрели и СПИД. Еще неизвестно, что хуже: лишний младенец или иммунодефицит. Я бы выбрала для себя первый вариант, в конце концов можно что-то наврать, объяснить присутствие в доме непонятно откуда взявшегося ребенка вполне логично. Ну, допустим, тоскуя о любимом муже, плакала на опушке леса. Вдруг издали послышался писк, и, о восторг, на берегу речки обнаружилась корзинка с изумительно здоровым малышом. Иначе, как чудом, такое и не назвать! Так что оправдать появление новорожденного легко, со СПИДом хуже, лечить его пока не умеют.

И вообще, это только кажется, что научно-технический прогресс принес человечеству одни блага. Вот, допустим «Интернет». Если бы не всемирная Паутина, наши близкие приятели Мила и Костя Звонаревы... Но лучше начну рассказывать по порядку.

В четверг, седьмого октября, я лежала на диване в гостиной, тихо радуясь, что наш коттедж в Ложкине имеет автономное отопление. За окном редела буря. Время едва подобралось к обеду, а на улице стоит непроглядная темень, хлещет ливень, завывает ветер. Клацая зубами, я сбегала в топочную, поставила котел на максимум, потом налила себе огромную кружку обжигающего чая, положила туда шесть ложек любимого варенья из клюквы, шлепнулась на софу, завернулась в толстый, пушистый плед, сунула в ноги апатично сопящего Хучика, под правый бок Черри, под левый Жюли, раскрыла новый детектив, вдохнула запах типографской краски, отхлебнула из чашки и с блаженством подумала: я самая счастливая женщина на свете, лежу в огромном доме, в полном одиночестве, в окружении любимых собак и не прочитанных пока криминальных романов. Сейчас погружусь в увлекательные приключения, уплетая шоколадные конфеты. Никуда не надо идти, ничего делать не нужно, а главное, никому не придется радостно улыбаться, потому что, крайне редкий случай, в нашем доме нету гостей, две «лишних» комнаты стоят пустыми. Вот оно, счастье!

Правая рука потянулась к шоколадке, левая машинально погладила сопящего Хучика, безграничная радость затопила меня с головой. На всех этажах царит тишина, прерываемая лишь мерным похрапыванием псов и урчанием кошек, стук дождя по черепичной крыше наве-

вает сон... Может, пока отложить томик Устиновой и вздремнуть? Вкусная конфета таяла во рту, веки начали слипаться и...

– Др-р-р-р, – надрывно понеслось из холла, – др-р-р-р!

Я села и насторожилась. Чей-то палец уверенно и упорно нажимал на звонок. Противный, вьедливый звук несся по гостиной. Мое тело окаменело, может, человек, кто бы он ни был, поймет: дома никого нет и уедет?

Внезапно звон прекратился. Вот здорово, сейчас я со спокойной совестью снова возьмусь за конфеты.

– Тук-тук-тук, – раздалось слева.

Моя голова машинально повернулась, через стекло большого окна виднелась большая фигура в темной куртке. Поняв, что я ее заметила, неизвестная личность принялась яростно размахивать руками, демонстрируя то ли буйную радость, то ли запредельное негодование.

Делать нечего, пришлось вставать и тащиться в прихожую.

– Ты что, оглохла, – сердито спросила фигура, увидав меня, – я замерз, как собака.

Потом уже опознанный мною объект стащил огромную шляпу и еще с большим гневом заявил:

– Чем ты вообще занимаешься? Полчаса на пороге прыгал, хорошо в конце концов догадался вокруг здания обойти. Гляжу, сидишь себе на диване.

– Я заснула, – соврала я, – входи, Костик.

Ну вот, кайф поломан. В гости невесть по какой причине пожаловал Звонарев, муж моей давнишней приятельницы. Интересно, что Косте надо?

– И где твоя прислуга? – гудел Костя, вытряхиваясь из куртки. – Вот ключи от машины.

– Зачем она тебе? – удивилась я.

– Пусть сходят, загонят тачку в гараж и принесут оттуда чемодан, – заявил Звонарев, пытаясь короткопалой пятерней пригладить давно нестриженные волосы.

Сердце тревожно екнуло. Чемодан?! Костя что, решил у нас поселиться? Ну навряд ли! Они с Милой имеют вполне приличную квартиру, не слишком, правда, просторную, пятикомнатную. Может, кому-то из вас мое заявление о тесноте их апартаментов покажется хамством, но вместе с Костей и Милой проживают еще две престарелые родительницы: теща и свекровь. Когда Звонаревы сочтались браком, у них на каждого имелась нормальная жилплощадь. После свадьбы Мила переехала к мужу, спустя пару месяцев ее мама, Нина Алексеевна, принялась капать дочери на мозги.

– Да, – зудела родительница, – понятно. Воспитывала я дочь, недосыпала, недоедала и вырастила утеху! Ты бросила мать.

Мила попыталась вразумить мамочку, но куда там! Нина Алексеевна лишь добавила децибелов в крик, и спустя шесть месяцев молодые перебрались на жилплощадь жены.

Звонаревы наивно полагали, что подобная рокировка уберезет их от скандалов. Но как они ошибались! Не прошло и дня после переезда, как гудки принялась издавать Елена Марковна, мамуля Кости. В отличие от прямолинейной и эгоистичной Нины Алексеевны, хитрая Елена Марковна, профессор и доктор наук, не стала опускаться до вульгарных скандалов, она избрала иную тактику.

– Я пойду на все ради счастья сына, – торжественно заявила Елена Марковна. – Костя, мальчик мой единственный, не надо думать о тяготах и тоске, которые навалятся на мать после твоего отъезда, я готова к любым испытаниям, только будь счастлив. Мои слезы – это ерунда!

Провожаемый подобным напутствием Костя мрачно перетащил чемоданы в машину. Но не успели молодые разложить вещи в другой квартире, как раздался звонок от Елены Марковны. У той внезапно случился приступ тахикардии. Костя ринулся назад, вызвал врача... Целый месяц потом вечера у Звонаревых проходили стандартно. Не успевали молодые, поужи-

нав, лечь в кровать, как оживал Костин телефон и соседка, именно она, а не сама Елена Марковна, тревожно кричала:

– Господи! Плохо-то как вашей маме! Очень болит голова (живот, рука, нога, сердце, печень, почки, желудок, легкие, глаза, уши, у нее ангина, отит, колит, гастрит, менингит, бурсит, гланды-аденоиды). Она не хочет вас волновать, но поверьте мне, умирает!

Лично у меня сложилось стойкое ощущение, что Елена Марковна не поленилась сходить в книжный магазин и приобрести там справочник практикующих врачей всех специализаций. Иначе откуда пожилой даме знать о симптомах редкой лихорадки Око, встречающейся лишь у жителей одного из островов Полинезии? Да девяносто девять процентов московских докторов и слыхом не слыхивало об этой заразе, что, между прочим, очень хорошо! А Елена Марковна не просто замечательно описала симптомы, но еще и ухитрилась сама поставить себе диагноз! Мать обняла Костю и прошептала:

– Это, наверное, страшная лихорадка Око! Понятия не имею, где ее подцепила, может, ехала в метро около бациллоносителя.

Через полгода прессинга у Милы стала произвольно дергаться шея, а у Кости началась аллергия на все. В конце концов Звонаревы переехали назад к Елене Марковне, оставлять в одиночестве столь больную старушку было жестоко. Стоит ли продолжать рассказ? Думаю, все понимают, какие истерики принялась закатывать Нина Алексеевна. Подобный образ жизни, мотаясь туда-сюда, Звонаревы вели довольно долго, мамы никак не желали уgomониться.

В результате несколько лет назад Костя принял историческое решение: они съезжаются все вместе. Не стоит думать, что милые мамочки начали счастливо жить около обожаемых детей, поливать цветочки, вязать носки и печь булки. Нет, в семье перманентно идут военные действия. Елена Марковна и Нина Алексеевна постоянно выясняют кто в доме самая главная и кто из них более больна. Но теперь Косте, по крайней мере, не приходится мотаться по ночной Москве.

– Так принесут мой чемодан? – нервно воскликнул приятель.

– Извини, – потупилась я, – Ирка получила выходной, садовник Иван отправился в питомник за какими-то елками, их, оказывается, сажают в холодное время.

– А где Аркадий? – перебил меня Костя.

Следовало возмутиться и спросить:

– С какой стати мой сын должен тащить твои вещи?

Добро бы Костя был хромоногий, но он вполне здоров и молод для того, чтобы лично притащить свой собственный багаж.

Но вместо этого я задала совсем иной вопрос:

– Да что случилось?

– Все, – заорал Костя, – дай водки! Поживей поворачивайся!

Я испугалась. Костя совсем не хам, конечно, как все мужчины, он считает, что женщина создана для того, чтобы его обслуживать, но Звонарев достаточно воспитан и предворяет просьбу вежливым «пожалуйста», и потом он совсем не пьет!

– Водки, – визжал Костя, идя по длинному коридору в столовую, – поллитровку и огурец!

Я заметалась между кухней и комнатой, где у нас в окружении двенадцати стульев стоит огромный стол.

Опрокинув в себя несколько рюмок, Костя вдруг устало сказал:

– Убью ее!

– Кого? – отшатнулась я.

– Милку!

– Свою жену?

– Сука она, – снова взвился Звонарев и схватился за стопку.

Лишь через час я сумела уяснить суть дела.

У Кости на рабочем месте стоит компьютер. Более того, он имеет возможность во время работы заходить в чаты своих единомышленников. Тот, кто пользуется Интернетом, очень хорошо знает, что во всемирной Паутине можно легко найти друзей по интересам. Вот и Костя ползая по сусекам и наткнулся на тусовку часовщиков. Звонарев с детства обожает механизмы, показывающие время. У него дома четыре напольных и штук восемь настенных часов, которые постоянно бьют, чем доводят случайно зашедших гостей до обморока. Но Костя в восторге, а свое свободное время он проводит, реанимируя брегеты.

Так вот, очутившись среди таких же сдвинутых часовщиков, Костя дико обрадовался и сразу стал завсегдаем тусовки. Очень скоро Звонарев почувствовал живейшее расположение к человеку под именем «Кара». Для тех, кто никогда не «чатиться», поясню, что в Интернете пользователь, как правило, появляется не под своим именем, он присваивает себе так называемый «ник». А если по-простому, берет псевдоним, причем, как вы догадываетесь, у одного индивидуума может быть хоть тысяча прозвищ. И еще: скрывшись под другим именем и хорошо зная, что лица собеседника в чате не увидеть, многие люди делаются откровенными, выплескивают со дна души кто помои, кто страхи, кто беды. В общем, Интернет огромное поле, где процветают плохореализованные люди, и мой вам искренний совет: никогда не встречайтесь в реальной жизни с тем, кто произвел на вас самое положительное впечатление при виртуальном знакомстве, потому что ваш рыцарь, красавец, спортсмен, тридцатипятилетний умница, обладатель всех земных благ на поверку может оказаться тринадцатилетним тинейджером или плешивым толстячком с пятью детьми, не имеющим средств на сигареты.

Костя общался с Карой довольно долго. За это время он успел рассказать ей о своей нелегкой доле: не слишком любимой работе, житье вместе с мамой, маленьком доходе... В принципе, Звонарев не соврал девушке, он только не стал сообщать о жене. Наоборот, постоянно пел, что не имеет около себя родной души, что очень одинок, что его не понимают... И ведь здесь Костя снова не кривил душой. Отношения с Милой у него в последние два года сильно испортились. О разводе речи не шло, но муж с женой более не испытывали особых радостей от совместной жизни. Любовь сменил спокойный быт, устоявшиеся привычки и рутина. Бурление крови прошло, с глаз свалились розовые очки. К тому же Милу Костя теперь знал вдоль и поперек, изучил все ее реакции и лишней раз не затевал с супругой разговора. Да и зачем? И так понятно, как Милкаотреагирует, если услышит фразу:

– Давай съездим в воскресенье на один день в Питер, сбегает на «блошку», поищем часы!

– Нечего ерундой заниматься, – взвизнет супруга, – хочешь, вали сам! Я лучше в свободное время по обувным магазинам прошвырнусь.

В Миле больше не было ничего загадочного, необычного. Впрочем, когда-то она легко подхватывалась и радостно ехала с Костей, но, увы, время подчас убивает любовь. И вообще, Костя понял: они с Милой очень разные.

Кара же показалась ему родной душой. Одинокая, без семьи, она жила вместе с мамой, ходила на тягостную службу, переключивала бумажки. Но в душе Кара считала себя художницей, она прислала Косте кое-какие свои рисунки, и Звонарев пришел в полный восторг.

Дальше – больше, парочка стала общаться посредством «аськи»¹. И в конце концов Костя предложил:

– Давай встретимся!

Кара согласилась, свидание было намечено на сегодняшний день. Звонарев удрал с работы и, купив букет, с бьющимся сердцем явился в условленное место: маленькое кафе «Ириска».

¹ Компьютерная программа «Ай си кью». При ее помощи вы можете переписываться друг с другом и вести диалог.

Когда Костя вошел в харчевню, посетительница была в зале одна, сидела спиной к двери. Звонарев подошел к столику, кашлянул и тихо спросил:

– Ты Кара?

Женщина засмеялась.

– Да, – она обернулась.

Из горла Кости вырвался вопль, потом он уронил букет. Было от чего оторопеть. Перед обалдевшим Звонаревым сидела Мила.

Глава 2

Рассказывая мне сию трагикомическую историю, Костя то плакал, то ругался и, когда домой вернулись Аркадий, Зайка и Маша, почти заснул в гостиной, устав от истерики.

Кое-как Кеша доволок его до спальни и положил на кровать.

– Как же Мила не поняла, что общается с мужем? – удивлялась Машка.

Я пожала плечами.

– Понятия не имею.

– И зачем она полезла в тусовку часовщиков? – не успокаивалась Маруся. – Ведь знала, что супруг фанат часов. В Интернете полно чатов, где можно найти мужчину, ну с какой дури заходить туда, где тусуются единомышленники супруга?

– Завтра поговорю с Милой и все выясню, – пообещала я.

– Надо же быть такой идиоткой! – воскликнул Кеша.

– Ага, – кивнула я, – Костя дико зол, обещает убить Милку!

– Кабы он хотел лишить ее жизни, – усмехнулся Аркадий, – придавил бы в кафе в состоянии аффекта. Ерунда это, насчет убийства. Просто разведется!

– Может, помирятся, – вздохнула Манюня.

– Наверяд ли, – насупился Аркашка, – она же ему изменила.

– Нет! – закричала Маня. – У них было первое свидание!

– Нравственное предательство хуже физического, – заявил наш адвокат, – она прикинулась свободной женщиной.

– Он сам хорош, – напомнила Зайка, – проделал то же самое! Назвался холостяком.

– Что позволено Юпитеру, не позволено быку, – заявил Кеша.

– Значит, вы боги, а мы коровы? – взвилась Маня.

– Какая ерунда, – зашипела Зайка, – ну пококетничала она немного, право, не стоит даже внимания обращать на такую малость!

Аркадий стал совсем мрачным.

– Я бы не простил!

Ольга изогнула правую бровь.

– Да? Даже меня?

– Тебя в особенности, – рявкнул муженек.

Зайка стала медленно наливать краской.

– Ах так!

Не стану утомлять вас подробностями скандала. Скажу лишь, что в тот момент, когда в столовой вдруг установилась нехорошая тишина, грозное затишье перед тайфуном, собаки, всегда тонко чувствующие надвигающуюся бурю, шмыгнули в коридор. Увидав спешную эвакуацию стаи, я вскочила и, быстро пробормотав:

– Ой-ой! У меня в спальне окно открыто, пойду закрою, – ринулась за торопливо ковыляющим Хучиком.

Гневный крик Зайки застиг меня на пороге собственной комнаты. Я быстро заперла дверь и села в кресло около стола. Хучик шумно вздохнул.

– Да милый, – сказала я, поглаживая шелковую шерстку мопса, – на этот раз нам с тобой повезло, успели увернуться от пуль и стрел. Сиди теперь в спальне, не высовывайся, если не хочешь быть растоптанным боевыми слонами.

На следующее утро небо опять висело над землей серой подушкой. Может быть, поэтому мои глаза распахнулись лишь около полудня. Отчаянно зевая, я спустилась вниз и обозрела столовую. Так, мебель цела, окна тоже, на ковре не видно подсохших луж крови, следовательно, Аркадий жив.

– Ну и погода, – занудела Ирка, внося в столовую вазу с астрами, – льет и льет! Закончилось лето! У меня депрессия.

– И чего ты ждала в октябре? – улыбнулась я. – Нет причины для отвратительного настроения. В России непогода начинается в августе, климат у нас такой. Вот если бы летом снег пошел, тогда, понимаю, было бы от чего расстраиваться. А так! Осень она и есть осень!

– Ну с летом нам тоже не шибко повезло, – вздохнула Ирка, – хорошо еще, что в этом году оно пришлось на выходные!

Я хихикнула и перевела разговор на другую тему.

– Где все?

– Так рабочий день, – пожала плечами Ирка.

– А Костя?

– Еще в семь уехал.

– Ты у него в комнате убери, – распорядилась я, – вещи развесь, то, что помялось, погладить надо.

– Какие вещи? – вытаращила глаза Ирка.

– Костя поругался с женой, – стала я растолковывать домработнице, – он временно поживет у нас!

– А вот и нет, – радостно воскликнула Ира, – утром он кофе попил и сказал Аркадию: «Ну, спасибо, поеду». Кеша ему говорит: «Оставайся, хочешь – твоим разводом займусь?» А этот Костя как заорет: «Еще чего, судиться со всякими! Пристрелю и дело с концом». Хлопнул дверью и унесся. Никакого чемодана не оставлял. Во мужики...

Я перестала вслушиваться в бормотание Ирки. Значит, Костик решил вернуться домой, слава богу, он не останется у нас! Просто счастье. Может, я покажусь вам жестокой эгоисткой, которая радуется, что докучливый гость отправился восвояси под предлогом физического уничтожения жены, только Костя вовсе не собирается пристреливать Милу. У него и оружия-то нет. Думаю, супруги повздорят, повьяснят отношения и помирятся. Мне лезть в это дело не следует. Милые бранятся, только тешатся.

Я выпила кофе и решила заняться разбором гардероба. Следует навести в шкафу порядок, убрать тонкие, летние вещи, перевесить поближе осенние кофточки, пересмотреть обувь, изучить шарфы, перчатки... Во всяком случае, дня на три работы хватит, а там посмотрим чем заняться. Если честно, мне в жизни делать нечего, а идти на службу не хочется. Перспектива вбивать в головы юношей и девушек знания французской грамматики совершенно меня не радует. А больше ничего я не умею!

Но валяться день-деньской на диване тоже не способна. Многие женщины, не желающие трудиться на благо общества, успешно реализуют себя на ниве домашнего хозяйства, превращаются в истовых кулинарок, самозабвенных бабушек, вяжут, шьют... Но я не люблю готовить, рукоделием заниматься тоже. Аньку и Ваньку мне не доверяют, справедливо полагая, что избалую малышей до безобразия. Поэтому я очень рада, когда находится некое дело, не слишком занудное, занимаясь которым я не сойду с ума от тоски и злости.

Не успела я направиться к лестнице, чтобы подняться на второй этаж, как йоркшириха Жюли, залившись истерическим лаем, рванулась в прихожую. У нас живет много собак, но среди них всего два пса, Банди со Снапом призваны служить охраной. От престарелой пуделихи Черри и меланхоличного Хучика никто не ждет караульной работы. Но вот парадокс! И пит, и ротвейлер даже не вздрагивают, если в дом пытается войти чужой человек. Прыть и агрессию проявляет лишь йоркшириха. Наивные люди, увидав впервые, как на них налетает существо, похожее на волосатого таракана, умиляются до слез, наклоняются и, сюсюкая: «Уси-пуси, мы, оказывается, лаять умеем», – пытаются погладить Жюли.

И это их большая ошибка. Несмотря на крохотный рост и отсутствие веса, Жюли отважна. В ее маленькой, цыплячьей груди бьется сердце тигра. Йоркшириха полна стремле-

ния защитить свою территорию и всех живущих на ней. Поэтому, заметив около своей морды чужую длань, Жюли ничтоже сумняшеся вцепляется в пальцы опрометчивого незнакомца. Зубы у нее мелкие, острые, и работает ими она, словно строчит на швейной машинке, быстро-быстро, больно-больно.

Кстати, любого из наших псов можно купить. Банди продаст родную мать за блинчики, Снап мигом побежит за куском вульгарной колбасы, Хучик теряет остатки воспитания при виде пастилы, а Черри готова на любые поступки, желая получить сыр. И только Жюли гордо отвергает подачки, из чужих рук она не возьмет ничего!

– Гав-гав, – заливалась сейчас йоркшириха.

– Иду, – крикнула Ирка.

– Скажи, никого дома нет, – малодушно попросила я.

Но наша домработница плохо видит грязь и пыль, а слушать хозяйские указания ей недосуг. Поэтому, проигнорировав мои слова, Ира распахнула дверь и заорала:

– Здравсти, здравсти! Дарь Иванна! К вам пришли!

– Придушить тебя мало, – шепнула я домработнице, потом, навесив на лицо самую радостную улыбку, воскликнула:

– Мила! Какими судьбами?

Звонарева поставила на пол бочкообразную сумку.

– Не выгонишь, если поживу у вас? Мы с Костей разводимся.

– Очень рада! – закивала я, потом спохватилась. – Конечно, не тому, что вы разрываете отношения, а твоему приезду.

– А я вот испытываю истинное счастье, – топнула ногой Милка, – просто эйфорию, когда думаю, что наконец-то лишусь милого супруга и его отвратительной, гадкой, мерзкой, косо-рылой маменьки...

Я сочувственно кивала головой, чувствуя, как меня охватывает тоска. Все, день пошел прахом.

Увы, мои самые мрачные предчувствия оправдались. До ужина Мила безостановочно рассказывала о своей жизни и о той ситуации, которая поставила семью Звонаревых на край развода. В ее интерпретации события выглядели не так, как у Кости.

Оказывается, Мила совершенно случайно попала в чат. Ей на электронную почту пришло письмо с предложением заглянуть на сайт некоей фирмы, торгующей книгами по искусству. Звонарева набрала адрес, поняла, что влезла невесть куда, хотела уходить, но тут ее внимание привлек парень по имени «Конрад». Ни о каких часах они не беседовали, Конрад обожал, как и Мила, театр, поэтому беседа крутилась вокруг последних постановок. И на свидание Мила отправилась лишь с одной целью: Конрад, оказывается, служит в театре под руководством режиссера Бродько и пообещал своей знакомой билеты на премьеру. Мила обрадовалась, увидеть постановку Бродько почти невозможно, коллектив выступает в крохотном зале, места в основном занимают его знакомые. Поэтому Мила, естественно, ответила:

– Да, – и помчалась в «Ириску» на встречу.

С Конрадом она виртуально общалась всего ничего, два раза, и беседа шла лишь о театре!

Я молча кивала. Спорить с Милой бесполезно. Пересказать ей мою беседу с Костей? А смысл? Что изменится? Ну поймаю я Милку на лжи, мне-то от этого не горячо и не холодно!

Внезапно Милка заревела и унеслась в ванную. Я пошла за ней и тихо спросила:

– Может, теперь, когда мы вдвоем, расскажешь правду?

– Ты мне не веришь? – всхлипывала Звонарева.

– Ну...

– Я очень люблю Костю, – вдруг заявила Мила, – затеяла все это лишь для того, чтобы... э, да ты не поймешь! И никто не поймет! Вышла глупость, я не на такое рассчитывала!

– А на что ты рассчитываешь? – быстро спросила я.

Но Мила молча вытерла лицо и ушла.

Когда домой вернулись все члены семьи, Мила повторила свой рассказ. Аркашка никак не отреагировал на услышанную информацию, Зайка тоже промолчала, даже Маня ухитрилась удержать язык за зубами, лишь Дегтярев с милицейской простотой поинтересовался:

– А чего ты в кафе поперлась?

– Билеты взять, – простонала Мила, – два, для себя и мужа! Всегда о нем заботилась – и вот награда!

– Так попросила бы пропуска у администратора оставить, – продолжал удивляться полковник, – так всегда поступают.

– Но он предложил «Ириску»!

– И чего? Ты могла отказаться!

Мила залилась слезами.

– Вот вы какие! Ясно! На стороне Кости находитесь. Меня вон! Хороши друзья! Все! Ухожу! Повешусь! Под поезд брошусь!

Машка понеслась обнимать Милу. Зайка метнула в Александра Михайловича убийственный взгляд.

– А чего, – залопотал Дегтярев, – я только спросил!

– Довел бедняжку до слез! – воскликнула я.

– Не следует изменять мужу, – вдруг очень спокойно заявил Кеша.

– Меня тут ненавидят! – заголосила Мила. – Хороши друзья! Пришла в тяжелый момент жизни, попросила помощи! Все! Ухожу! Дашка, вызови такси!

– Моя мать, – хорошо поставленным голосом человека, приученного часами выступать перед аудиторией, заявил Аркадий, – носит имя Дарья. Она не коза, чтобы откликаться на Дашку!

Я поперхнулась, а Мила вскочила, уронила на пол тарелку от безумно дорогого сервиза и завизжала:

– Понятно, гоните меня вон!

– Сядь, – велела Ольга, – успокойся. Никто тебе не запрещает у нас оставаться.

– Как же, – в режиме ультразвука вещала Мила, – а этот...

Щеки Зайки слегка порозовели.

– Этого зовут Аркаша, – процедила она, – если ты забыла, напомню. Воронцов Аркадий, мой муж!

– Ага, – ехидно прищурилась Мила, – все вы тут мужья с женами! Отличненько устроились! Думаете, раз не в Москве живете, так о вас и не говорят. Ошибаетесь! Кстати, Дашка, народ в непонятках пребывает. Отчего ты со старым ментом связалась? Вроде денег полно, неужто никого поприличней не нашла, а?

Я уткнулась носом в чашку и сделала вид, будто очень увлечена чаем. Знаю Милу много лет и очень хорошо понимаю: сейчас она не владеет собой. У нее есть одно, сильно осложняющее ей жизнь качество. Если Милка разволновалась, испугалась или на всех обиделась, она начинает нести чушь, пересказывать услышанные сплетни. А последних Мила знает просто невероятное количество, потому что госпожа Звонарева обожает ходить по тусовкам. В нормальном состоянии Милка ведет себя вполне прилично и никогда не «щиплет» собеседника. Но стоит ей потерять душевное равновесие, как гадости начинают вываливаться из нее и разбегаться подобно тараканам, застигнутым врасплох яркой вспышкой света. Поэтому сейчас злиться на Милку нельзя, она неадекватна. Единственное, что меня на данном этапе удивило, это то, что, оказывается, люди до сих пор обсуждают наши отношения с Дегтяревым, я наивно считала, что все давным-давно успокоились и занялись более животрепещущими новостями.

– С меня довольно, – рявкнул Аркадий.

Потом он встал, схватил Милку за локоть и вытолкнул в коридор со словами:

– До свиданья, более никогда не приходите сюда. Вам отказано от дома.

Аркадий, постоянно выступающий в суде и регулярно читающий для собственного удовольствия речи великих юристов прошлых лет Плевако, Кони и иже с ними, иногда начинает говорить словно персонаж из девятнадцатого века. «Вам отказано от дома».

– Пошла на фиг! – заорала Зайка, бросаясь за Милкой.

– Вали отсюда, – подхватила Машка.

Я снова уткнулась в чашку. Вот это по-нашему! «Пошла на фиг» и «Вали отсюда», а то «Вам отказано от дома».

– Сволочи! – всунулась назад Милка. – Ага! Суки богатые! Чтоб ваши деньги вместе с домом сгорели! И... и... желаю уроду сдохнуть!

Изящный пальчик Милы, украшенный старинным кольцом с большим изумрудом, ткнул в Хучика.

Я вздохнула. Мила совсем потеряла голову, случается с ней на нервной почве такая петрушка. Завтра будет, плача, просить у нас прощения. Но вот ведь какая! Вроде ей плохо, с мужем разлад, а дорогое колечко нацепить не забыла. Мила не так давно приобрела это старинное украшение в скупке, в Питере, и теперь постоянно ходит с ним, изредка приговаривая:

– Да, жизнь-то как изменилась! Запросто могу себе теперь изумруды покупать! Экая красота, снимать не хочется!

Словно почувствовав, что в его адрес сказали гадость, мопс вздрогнул и заскулил. В ту же секунду Машка схватила вазочку с вареньем и метнула ее в Милу. Манюню с детства отличает полнейшая неспособность попасть мячом в кольцо, поэтому сейчас хрустальное корытцо угодило в стену. Темно-красная, вязкая субстанция медленно потекла по светло-бежевой поверхности. Зайка молнией кинулась к Миле, в руках она сжимала бамбуковый поднос. Звонарева побежала по коридору, Аркадий, тяжело дыша, открыл дверь, ведущую в сад, и вышел на террасу, прямо под противный, мелкий дождь.

– А ну наподдай ей, – закричала Маша, подлетая к Александру Михайловичу, – эй, проснись!

Дегтярев опустил журнал.

– Что?

– Давай, догони Милу, – злилась Машка, – ей надо вломить!

– Кому? – заморгал полковник.

Манюня рассердилась еще сильнее.

– Ты ничего не слышал?

– Ну...

– Журнал читал!

– Да, – признался Александр Михайлович, – очень интересная статья попалась, про королевский двор...

– Тут скандал, все орут, а он с журналом! – подскочила Машка.

Александр Михайлович ухмыльнулся.

– Так у нас всегда кричат! Если на каждый вопль внимание обращать, облысеешь!

Манюня глянула на обширную плешь, украшающую макушку Дегтярева, и захихикала. Я постаралась спрятать улыбку.

– Что-то случилось? – решил вклиниться в реальную жизнь полковник.

Машка раскрыла рот, и тут из прихожей раздался сначала звонок домофона, потом стук входной двери, затем крик, шум и вопль, ужасный, леденящий душу. Подобные звуки человек способен издавать лишь в крайних случаях.

Не задумываясь, мы все вместе ринулись в прихожую.

В углу, около встроенного шкафа, обнаружилась красная, растрепанная Зайка. Губная помада у Ольги размазалась, тушь с ресниц стекла на щеки. На пороге маячил... Костя, около

его ног высился темно-коричневый, перетянутый ремнем чемодан. А посреди прихожей, на красивой серо-бежевой плитке, лежала Мила. Руки ее были широко разбросаны, ноги поджаты. Мое сердце екнуло.

– А ну, подвинься, – велел мне Дегтярев и шагнул к Миле.

Окружающие стояли молча, словно играя немую сцену из бессмертной комедии Гоголя «Ревизор». Александр Михайлович наклонился к Звонаревой, потом присел около нее, затем быстро вытащил из кармана мобильный, нажал на кнопки и сухо велел:

– Игорь? Немедленно к нам, всех. Да, сюда, в Ложкино. Пока не знаю.

Потом он спрятал сотовый в карман и резко спросил:

– Что произошло? Отвечайте четко, дело серьезное.

– Я выбежала из комнаты, – прошептала Маня, тыча пальцем в неподвижно лежащую Милу, – по дороге потеряла тапки и остановилась.

– А я ее догнала, – подхватила Зайка, – и треснула подносом!

– Бамбуковым? – уточнил Дегтярев. – Тем, что со стола прихватила?

– Ага, – кивнула Ольга.

– Дальше, – потребовал полковник.

– Она обернулась и сказала...

– Что? Говори!

– Ну... пошла ты ...! ...! – выпалила Зайка.

– Продолжай.

– Больше она ничего не говорила.

– Упала?

– Нет, подлетела к двери, а тут звонок.

– Он затрещал в ту секунду, – вступила в разговор до сих пор молчавшая Ирка, – когда Людмила как раз замок открыла. Створка распахнулась, а там... Костя!

– Он ее схватил, – перебила Ирку Ольга, – и давай бить. Во, по щеке!

– Ага, по левой стороне!

– Затем в живот.

– И в спину.

– Как закричит: «Убью на...!»

– Скрутил Милку, через колено перегнул.

– Да, да, точно, прямо всю ее так вывернул и орет: «Ща попляшешь, попрыгаешь, будешь знать, как по мужикам шляться».

– Милка как завопит...

– Угу! Во весь голос, а он ей в рот что-то сунул!

– Я ничего не совал, – отмер Костя.

– Я все видела, – затопала ногами Зайка, – руку ей прямо между зубами засунул.

– Нет!

– Да.

– Нет!!!

– Да!

– А ну замолчите, – рявкнул полковник.

Неожиданно присутствующие послушались. Пару секунд в холле висела тишина, затем из коридора послышались шаги, и голос кухарки Катерины спросил:

– Чего вы тут раскричались? Ой! Случилось что? Мама! Ей плохо! Надо врача звать. Дарь Иванна, ну чего столбом стоите, живенько на охрану звоните, пусть хоть наша Анна Сергеевна из медпункта придет. О господи! Где телефон? Сама звякну.

– Не надо, – резко ответил Дегтярев.

– И че? – уперла руки в бока Катерина. – Оставить человека так? Не видите, ей плохо!

– Мила умерла, – ответил полковник, – ничего не трогайте, наши уже едут.

Я вцепилась в косяк.

– Ты уверен?

Александр Михайлович кивнул.

– Да, Аркадий, уведи женщин, пусть в столовой сидят.

Ирка завизжала и опрометью ринулась в свою комнату. Зайка закрыла лицо руками, Маня стала пятиться ко входу в баню, я же перестала вдруг слышать, перед глазами откуда ни возьмись появилась серая вуаль. Сквозь трясущееся полотно тумана я увидела, как Костя сначала пошатнулся, а потом упал прямо у входа.

Глава 3

Следующие дни были заполнены неприятными хлопотами. Тело родным отдали не сразу, а лишь после того, как соответствующие специалисты сделали вывод: Людмила Звонарева погибла от яда неизвестного происхождения.

Я не буду детально описывать сейчас процедуру в крематории, сами небось понимаете, что никаких положительных эмоций никто не испытывал. У Милы с Костей было огромное количество знакомых. На погребение явились все. Стояли, словно нахохлившись вороны, и тихонько перешептывались, но стоило кому-нибудь из нашей семьи возникнуть возле группы только что беседовавших людей, как воцарялась тягостная тишина. Впрочем, поведение знакомых было понятно, Мила погибла в нашем доме, следовательно, по мнению сплетников, мы причастны к преступлению. Справедливости ради, следует отметить, что подобной точки зрения придерживались подружки Милы и Нина Алексеевна. Когда гроб тихо поехал за бархатные занавески, мать Людмилы выпрямилась и, ткнув пальцем в меня, звонким, сильным, мигом перекрывшим печально-величавые звуки «Реквиема» голосом сказала:

– Вот они, убийцы! Это в их доме, и с полнейшего согласия хозяев была зарезана моя несчастная Милочка!

Толпа зашептала, я ощутила себя голой среди волков. Машка прижалась ко мне и воскликнула:

– Мы-то при чем? И потом, Милу же отравили!

Нина Алексеевна сжала губы и стала надвигаться на девочку. Еще секунда, и в ритуальном зале могла начаться совершенно отвратительная драка. Но тут откуда ни возьмись появились Стас Махалкин и Родя Власов, два закадычных приятеля Кости. Первый мгновенно схватил Нину Алексеевну и бесцеремонно вытолкнул на улицу. А второй подскочил к нам.

– Маша! – с укоризной сказал он. – Ты же взрослая, чтобы понимать, похороны не лучшее место для выяснения отношений.

– А чего она врет? – сопротивлялась Манюня. – Милу отравили, не мы, а Костя. Я хорошо видела, как он ей сначала в рот руку засунул, а потом Мила упала, и все! Он ей яд на язык положил!

Родя прищурился.

– Да, мне известно, что ваша семья, несмотря на долгие годы дружбы со Звонаревым, в момент испытания утопила его своими показаниями. Ты видела таблетку яда?

– Нет, – ошарашенно ответила Машка.

– Зачем тогда оговорила человека? – поцедил Родя. – Это ведь не в Барби играть.

Маня стала белой, словно лилии, которые какой-то умник принес на кремацию.

– Никого я не оговаривала, рука Кости...

– Можешь ничего не объяснять, – отмахнулся Родя, – твоя позиция понятна без слов.

Пробормотав сию фразу, Родион отступил влево и смешался с группой мужчин и женщин, смотревших на нас с Машкой словно домашняя хозяйка на невестку откуда взявшихся крыс. И мне стало понятно: мы тут парии. Милочкины подружки и приятели Костика, до сих пор не слишком любившие друг друга, сейчас оказались под властью одной эмоции: они ненавидят нас.

– Может, не ехать на поминки? – тихо спросила я у Зайки.

– Только хуже будет, – шепотом ответила Ольга.

Пришлось садиться в машину и рулить по хорошо известному адресу. Но не успели мы с Машкой войти в прихожую, как из глубины квартиры вылетела Нина Алексеевна и, схватив девочку за плечо, просипела:

– Ни стыда ни совести нет! Явились, не запылились! Вас звали? Думаешь, если твоя мать спит с полковником милиции, так вам все можно? Конечно, вас-то прикроют, убийцы!

Маня, успевшая стащить с себя ботинки, всхлипнула и прямо босиком ринулась на улицу. Я не удержалась, лягнула Нину Алексеевну ногой и воскликнула:

– Ах ты старая, мерзкая жаба!

На язык просилось много самых разных злых слов, но произнести их мне не дал Александр Михайлович. Дегтярев ухватил меня поперек талии и поволок из квартиры. Как назло в этот момент в коридоре и вестибюле толпилось полно людей, кто пришел помянуть Милу. Я схватилась за косяк, последние остатки воспитания растаяли словно кусок мыла в горячей воде.

– Да как вы смеете, – закричала я, – мы не виноваты! Костя убил Милу, мы сами чуть не умерли, когда увидели ее тело!

Полковник легким движением руки взвалил меня на плечо, пронес сквозь строй осуждающе молчавших людей, поставил в лифт и рявкнул:

– Дура!

Из моих глаз полились слезы, Александр Михайлович прижал меня к себе.

– Ну тише, тише! Все обойдется.

Я навалилась на полковника, вдохнула запах хорошо знакомого одеколona и зарыдала сильнее. В этот момент лифт добрался до первого этажа и услужливо распахнул двери. Яркие вспышки света озарили полутемную кабину, несколько человек с фотоаппаратами стояло в подъезде.

– Разрешите пройти, господа, – каменным голосом заявил Дегтярев.

– Вы тот самый полковник? – быстро спросил один из папараци.

– Дарья, ответьте на пару вопросов, – налетел второй.

Александр Михайлович выпихнул меня на улицу, в состоянии, похожем на сон, я добралась до машины и увидела около «Пежо» босую, зарванную Машку.

– Садитесь, живо, – велел полковник, открывая дверь своего черного «Запорожца».

Корреспонденты, увидав, что жертвы собрались улизнуть, бросились вперед, выставив на изготовку свои камеры.

– Дарья, правда, что вы ревновали Милу?

– Звонарева жила с полковником?

– Вы видели яд?

– За что вы ненавидели семью Звонаревых? – выкрикнул самый молодой парень, такой рыжий, что у меня заболела голова.

– Уроды, – зашипела Маня.

– Молчи, – рявкнул полковник, заводя драндулет.

– Ублюдки, – рявкнула Маруська и, спустив вниз стекло, выставила наружу известную комбинацию с торчащим вверх средним пальцем.

– Вот вам ответ!

Дегтярев с такой силой нажал на газ, что я пребольно стукнулась головой о торпеду. Ругать Машку не стал никто, наверное, неприлично признаваться в этом, но я бы с огромным удовольствием показала журналюгам тот же жест.

Кстати, вас, наверное, заинтересовало, отчего похороны Милы привлекли внимание средств массовой информации? Простите, я совершенно забыла сказать, кем была Милка. В свое время она окончила ВГИК² и долгие годы прозябала в неизвестности, снимаясь в крохотных эпизодах. Но несколько лет тому назад фото Милы попало на глаза могущественному режиссеру. Мэтр вдохновился и дал непопулярной актрисе центральную роль в сериале, над

² ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.

которым потом самозабвенно рыдала вся страна. И началось. Милку просто стали рвать на части. Ее не смущало, что предложенные роли были похожи, словно новорожденные гуппи. Во всех фильмах Мила изображала бедную, тихую, маленькую, всеми обижаемую крошку, этакую смесь Золушки и белой мыши. Но именно данный образ у Милы получался великолепно, а ее лицо, с глазами, полными слез, обожали брать крупным планом операторы. Некоторые люди шагают к вершинам славы постепенно, а Мила получила славу разом, огромным куском, но не в молодости, а в том возрасте, когда актрисе уже нечего надеяться на роль Джульетты.

Во вторник я поехала на станцию, чтобы купить свежие булочки.

– Дарь Иванна, – закричала газетчица, высовываясь из своего ларька, – а тут про вас столько понаписали!

Я уже рассказывала как-то, что Ложкино стоит в лесу, около него никаких магазинов нет. Правда, на территории поселка имеется лавка, но в ней не торгуют ничем хорошим. Поэтому все приходится привозить из Москвы, только хлеб и газеты можно купить относительно недалеко, если доехать до платформы железной дороги. Услугами станционной торговли пользуются практически все обитатели Ложкина, поэтому нас на вокзале великолепно знают.

Я приблизилась к ларьку.

– Обо мне? Написано в газете? По какой причине? Вы, наверное, ошиблись.

– Здесь, – ткнула корявым пальцем баба в аршинный заголовок, – тут и фотка есть, вы с полковником. Знаете, Дарь Иванна, не обращайтесь внимания. Это просто зависть. Во как вам свезло: и богатая, и детки хорошие, и мужик есть, такое не каждому нравится.

Я уставилась на кроваво-красные буквы, бежавшие через страницу. «Богатые тоже плачут. Слезы на плече мента. Доказательство вины и раскаянья?»

Икнув, я уставилась на фото. Так, кабина лифта, Дегтярев отчего-то страшно толстый с выпученными глазами, я обнимаю Александра Михайловича и выгляжу просто ужасно. Черная кофточка растянулась почти до пояса, юбка свалилась на бедра.

Ниже шел убористый текст.

«Дарья Васильева, ставшая после долгих лет нищеты одной из самых богатых женщин Москвы, усиленно демонстрирует презрение к окружающему миру. Дама проживает в поселке Ложкино, не посещает светские мероприятия, не работает, вроде воспитывает внуков. Нам приходилось лишь разводить руками, на репутации мадам имеется всего одно крохотное черное пятнышко: она живет во грехе с полковником милиции Дегтяревым. Впрочем, не станем бросать камни в Дарью. Александра Михайловича она не стесняется, он обретается в одном доме с богатым семейством, является, так сказать, вторым любимым мопсом Васильевых-Воронцовых, правда, в отличие от первого, молодого красавца Хуча, Дегтярев престарелый и плешивый. Думается, Дарья, с ее миллионами, могла купить себе любого мачо, но нашей дамочке по вкусу лысые пузаны, а о вкусах, как говорится, не спорят. И все бы ничего, кабы наши корреспонденты не узнали внезапно массу интригующих подробностей. Во-первых, сладкоулыбчивая Даша работает в МВД следователем по особо важным делам. Настолько важным, что о ее службе известно лишь самому узкому кругу начальства. В окружении полковника Дегтярева мадам Васильеву считают безалаберной идиоткой, но, поверьте, это не так.

Состарившаяся девушка, а как еще можно назвать женщину, которая, имея внуков, бежит по городу в майке с изображением Микки-Мауса, хитра и безжалостна, ей поручают весьма деликатные дела. Одно из них – помощь в убийстве Милы Звонаревой. Чем госпожа Звонарева помешала кое-кому наверху, мы знаем, но не скажем, потому как стопроцентных доказательств своим догадкам не имеем, а подводить родную газету не хотим. Что да как случилось в особняке, приходится лишь гадать. Ясно одно: госпожа Васильева, как всегда, блестяще справилась с задачей. Муж Звонаревой отравил жену в присутствии Дарьи. Убийственные показания дают дочь и невестка. А мы застали парочку голубков в тот момент, когда они

никак не ждали посторонних и теперь удивляемся: что, у ментов бывает совесть? Или слезы на глазах мадам вызваны слишком сильными объятиями бравого кавалера?

Мы намерены и далее следить за развитием событий».

Я потрясла головой. Ну и ну, слов нет!

– А тут еще, – услужливо подсунула мне другое издание торгашка.

Вновь яркий заголовок. «Дети «новых русских». Элитные школы, няни и гувернантки не способны прививать манеры». И новая фотография. Злое, перекошенное лицо Машки, ее рука, высунутая из окна машины, и неприличный жест. «На мой вопрос, сколько ей лет, Мария Воронцова отчего-то заорала: «На тебе, выкуси», а потом кликнула охрану, – гласил текст, – впрочем, реакция девицы понятна. Только что их с матерью самым позорным образом выставили с поминок Милы Звонаревой, нашей обожаемой, трагически погибшей любимицы. Вот что сказала мне мать Милы: «Дарья Васильева? Никогда более не упоминайте сие имя в моем присутствии. Она ненавидела Милу, хоть и считалась ее подругой, завидовала моей дочери, вынашивала злые планы и добилась своего. Да, фактический убийца Милочки Константин, но кто подтолкнул его на совершение преступления? Жаль, но истину не узнать. Васильева под патронажем МВД, она, как всегда, выйдет сухой из воды».

Я скомкала газету и швырнула в урну.

– С вас двадцать рублей, – деловито напомнила продавщица, – да не переживайте, никто из наших не верит. Газеты вечно врут. Правда, девочки?

– Ага, – начали кивать другие продавщицы, стоявшие у лотков с фруктами и тряпками, – брешут и брешут.

Тут до меня дошло, что мою персону небось с утра активно обсуждают на пристанционной площади. Старательно удерживая на лице улыбку, я махнула рукой.

– Я и внимания не обратила, экая лабуда! До свиданья.

– Прощайте, Дарь Иванна, – закивала газетчица и не утерпела: – А че, ее и впрямь у вас в доме зарезали?

– Отравили, – машинально поправила я.

– Ой!

– Скажите, пожалуйста!

– Какие страсти-мордасти!

В один момент бабы бросили торговлю и ринулись ко мне.

– А кто?

– Правда, муж? Правда?

– Она перед смертью че говорила?

– Вау! Вас пока не арестовали?

Я попятилась, услышала звон мобильного, выхватила из кармана телефон и сказала:

– Да.

– Мамаша, – прохрипело из трубки, – малява тебе.

– Что? Вы, наверное, ошиблись номером.

– Ништяк, мамаша, не гундось. Костю Звонарева знаешь?

– Конечно.

– Малява от него. Триста.

– Что? – Я попыталась разобраться в ситуации.

– Лавэ бери.

– Ага, поняла. Мне записка от Кости, за которую вы хотите триста долларов?

– Верняк, кати сюда.

– Куда?

– Где топчусь.

– Адрес дайте.

– Ну, того... запоминай.

Улица и номер дома застряли в мозгу, я сунула телефон в сумку и, растолкав любопытных баб, пошла к машине.

– И, девки, – вонзился мне в спину противно тоненький голосок, – станет она с нами разговаривать! Из грязи в князи вылезла, такая с простым народом дела иметь не захочет.

Глава 4

Лишь очутившись перед обшарпанной дверью, я очнулась и задала себе вопрос: с какой стати Константину писать мне записки и зачем я явилась сюда? Но пока голова обдумывала вполне правильную мысль, рука сама собой нажала на звонок. Створка распахнулась, на пороге нарисовался невысокий, жилистый дядька в грязной клетчатой рубашке и брюках от спортивного костюма.

– Че надо? – зевнул он.

– Вы мне звонили. По поводу письма, – быстро ответила я.

Мужик засопел и начал шарить глазами по моей фигуре. Его нехороший, тяжелый взгляд медленно ошупал сумочку, часы, перебрался на кольца. Я испугалась. Конечно, я никогда не надеваю для походов по городу эксклюзивные украшения, но то, что сейчас есть на мне, понравится любому грабителю. В ушах симпатичные сережки, они, правда, не с бриллиантами, но сапфиры тоже очень ценные камни. На пальцах красивые колечки. Еще при мне сумка, а в ней кошелек, дорогой мобильный... Людей убивают и за меньшее. Было страшной глупостью являться сюда в одиночестве.

– Лавэ давай, – зевнул мужик.

– Где записка? – предусмотрительно спросила я, хватаясь за сумку.

Дядька шумно вздохнул и вынул из кармана тоненькую трубочку, запаянную в полиэтилен.

– Во! Хапай.

Слегка успокоившись, я произвела обмен, быстро вышла во двор, села в машину, отъехала пару кварталов, припарковалась возле метро и, разорвав пленку, раскрыла письмо.

«Даша! Мне, как выяснилось, более не к кому обратиться. Елена Марковна сообщила следователю, что у нее нет сына. По ее словам, фамилию Звонаревых я опозорил и теперь должен получить по заслугам. Других родственников, кроме матери, у меня нет, и передачу принести некому. А тут без помощи с воли полная хана. Понимаю твое удивление, но вынужден просить об услуге. Пожалуйста, пришли мне продукты, ниже даю список того, что можно. Только имей в виду, ничего, запакowanego в стекло, не возьмут. Еще очень нужны мыло, зубная паста, тетради, ручки и конверты. Впрочем, если выбросишь послание – не обижусь. Я вообще-то спокойный и понимаю, что ты не со зла оговорила меня. Может, со стороны выглядело так, словно впихиваю Миле в рот что-то. На самом деле я просто хотел дать ей пощечину. Я очень много думал о произошедшем и понял, что случилось. Понимаешь, я был дико зол. Мила вместо того, чтобы попросить у меня прощения, стала нести какую-то дурь о том, что хотела со мной пошутить, поэтому и прикинулась Карой в чате. Но я ведь не кретин и хорошо понимаю, что это глупая отговорка. Идиотская ситуация, из которой, наверное, можно было найти выход, если бы не Нина Алексеевна. В тот день, когда мы с Милой поскандалили, а я уехал ночевать к вам, после того, как все пошли спать, Аркадий зашел в комнату для гостей и убедил меня успокоиться, дескать, ерунда получилась. Никто никому не изменял, лучше забыть эту историю. Я ехал домой с желанием помириться. Не успел я в квартиру войти, как Нина Алексеевна налетела на меня.

– Ага! Красиво получается! Сам с бабами виртуально знакомишься, а на Милу вину сваливаешь. Ступай туда, где сегодня ночевал.

Ну тут я и психанул. Схватил Милку, на лестницу вышвырнул, следом сумку ее выбросил и заорал:

– Не я уйду, а она отсюда отправится».

Я дочитала письмо, вытащила сигареты, закурила и опять схватилась за листок бумаги. В изложении Кости события выглядели так. Сначала он, обозлившись до крайности, выгнал из

квартиры жену, потом повернулся к теще. Нина Алексеевна, увидав разъяренного зятя, взвизгнула, побежала в свою комнату и заперлась изнутри. Костя, не сумев справиться с гневом, ринулся за противной старухой и обалдел. В конце коридора он увидел мужчину самого безумного вида. Волосы у парня дыбились словно иголки у разбуженного дикобраза, глаза вывалились на щеки, а последние по цвету напоминали перезрелые томаты. От неожиданности Костя остановился, он хотел удивленно воскликнуть: «Вы кто?»

Но в ту же секунду до Звонарева дошло: неделю тому назад Мила повесила на дверь ванной комнаты снаружи большое зеркало, и сейчас Костя видит себя самого.

Гнев внезапно остыл, Звонареву стало смешно. Мало того, что он, оказывается, выглядит идиотом, так еще и испугался собственного отражения. Словно почувствовав изменение настроения зятя, Нина Алексеевна высунулась из спальни и запричитала:

– Выгнал жену! В дождь, одну! Ну хорош! Порядочный мужчина, коли ему что не по вкусу, сам уходит!

Отмахнувшись от бабки, Костя пошел на кухню, но теща посеменила за ним, зудя словно разбуженная зимой муха-навозница.

Тут же из недр апартаментов выползла Елена Марковна и налетела на тещу. Вообще говоря, милые старушки каждый день устраивали скандалы, и Костя привык к подобным «развлечением», но на этот раз он не сумел вынести «семейный уют» и с воплем:

– Живите без меня, – швырнув в саквояж пару рубашек, унесся на улицу, оставив без внимания истерический взвизг Елены Марковны: «У меня инфаркт!»

Слегка остыв на октябрьском ветру, Костя позвонил Кате Симонян, одной из подружек Милы, и спросил:

– Моя у тебя?

Симонян живет в соседнем от Звонаревых доме, и Костя предположил, что жена отправилась зализывать раны к Катке.

– Ага, – затараторила Симонян, – только тебя я не пущу! Ишь какой! Нам поболтать надо, вдвоем, без мужиков.

– Да пошла ты, – буркнул Костя и, слегка придя в себя, сел за руль.

В родной машине успокаивающе пахло чем-то знакомым, своим. Костя машинально включил радио и неожиданно обрел трезвость мыслей. Ладно, конечно, сейчас разыгрался отвратительный скандал. Но, с другой стороны, скажите честно, вы что, никогда не ругались со своей второй половиной? Не орала, топя ногами: «Развод!», не хотели накостылять дорогой и любимой по шее за вздорность, глупость, болтливость и прочие милые качества?

Через полчаса сидения в автомобиле Звонарев превратился в прежнего Костю: нормального, рассудительного мужика, способного проигнорировать бабскую истерику. Еще через пятнадцать минут он начал испытывать угрызения совести. Ладно, Милка кокетничала в чате с незнакомым парнем. Но почему она это делала? Да очень просто: Костя не слишком много уделял своей второй половине внимания, если честно, они с Милой практически перестали общаться. Жена, правда, месяцами пропадала на съемках, но у нее случались и простои. И тогда Мила маялась дома, от скуки носясь по тусовкам. Сколько раз она просила Костю:

– Пойдем со мной!

Но муженек отмахивался.

– Вот еще! Была охота дураком в зале стоять. Я там кто? Муж Звонаревой!

– Ну тогда давай вместе вечером поужинать сходим, – предлагала Милка.

– Я устал, – буркал Костя, – иди одна!

Получалось, что в произошедшем безобразии виноват сам муж. И потом, очень не хотелось признавать, но в словах Нины Алексеевны, только что брошенных в лицо зятя, была серьезная правда. Как ни крути, а Костя-то тоже хорош, он ведь заигрывал с Карой. Сейчас, наедине с собой, Звонарев честно признал: хотел свильнуть налево от законной супруги.

На Костю навалилось раскаянье. Вообще-то он вспыльчив и в пылу гнева способен наговорить жуткие вещи. Но злоба покидает его столь же быстро, как и появляется. Некоторое время Костя бесцельно катался по улицам, заехал в кафе, затем невесть зачем в боулинг, но муки совести становились все сильнее.

Костя снова позвонил Катьке.

– Позови Милку, – велел он.

– Еще чего, – не послушалась Симонян.

– На секундочку.

– Неа. И не вздумай сам прийти, не открою!

Костя вздохнул и включил зажигание, он решил поехать к нам, в Ложкино. Звонарев расудил просто: сейчас он спокойно ляжет спать в комнате для гостей, а утром ситуация разрешится сама собой. Милка остынет, бабки утихомятся, и жизнь покатит по прежним рельсам.

На дороге случилась пробка, и Костя не сразу добрался до Ложкина. Он позвонил в домофон, замок щелкнул, Звонарев вошел в прихожую и столкнулся с Милой.

Костю охватило гигантское удивление, а супруга завизжала. Секунду он пребывал в недоумении. Ну каким таким таинственным образом Милка ухитрилась докатить до общих друзей раньше мужа? И почему она вдруг решила покинуть Катьку? Но в следующее мгновение до Кости дошло: мерзопакостная Симонян нагло врал. Милки у нее не было. Подруга привычно покрывала Звонареву. В голове у Кости мгновенно стали оживать совершенно не нужные воспоминания. Вот Мила, уходя из дома, сообщает:

– Идем с Катькой в кино.

Через час Звонарев пытается соединиться с женой, слышит: «Абонент временно недоступен» – и набирает номер Катьки.

– Она в туалет пошла, – шепчет Симонян, – живот прихватило, сейчас вернется, перезвонит.

И правда, спустя десять минут голосок Милы сообщил:

– Ну, слушаю. Похоже, я съела несвежий творог, так желудок крутит!

И ведь подобные ситуации повторялись несколько раз, но Костя лишь сейчас сообразил, что они означают. Мила никуда не ходила с Катькой, подруга самозабвенно врала мужу подруги, а потом быстро соединялась с той и говорила:

– Атаа! Твой нервничает.

Значит, Милка давно изменяет мужу! Наверное, ее путешествие по Интернету, а потом встреча с понравившимся субъектом частая практика. Гнев с утроенной силой охватил Костю. У Звонарева помутился рассудок, и он кинулся бить жену, сначала размахнулся и отвесил вопящей супруге оплеуху. Дальше не помнит, что творил, затем снова захотел надавать Миле зуботычин, но его ладонь попала не по щеке, рука соскользнула, пальцы Кости оказались во рту жены. Звонарев отдернул карающую длань. И тут случилось невероятное.

Мила вздрогнула, замерла, уставилась на супруга враз остекленевшими глазами и, не сгибая коленей, рухнула на пол. Оторопевший Костя почему-то понял: супруга покинула его навсегда.

Я повертела в руках послание и вновь прочитала заключительный абзац.

«Не убивал Милу, клянусь своей жизнью. Я не понимаю, почему она умерла. Ну подумай сама, зачем травить жену в чужом доме, демонстративно, на глазах у свидетелей? Может, я и сволочь, но вовсе не идиот! Куда проще было купить обожаемые Милой консервированные грибы и подсыпать отраву туда. Ну с какой стати мне лишать ее жизни на глазах у вас? Нет, это сделал кто-то другой, а свалил на меня. Знаешь, как дело было? Людмила где-то поела, в ее тарелке был яд, который действует не сразу, а постепенно. Ну а потом она пошла к двери, увидела меня, заорала и упала мертвой. Я арестован вследствие ошибки, и твое дело теперь

помочь мне. Пришли продукты и прочее, иначе сообщу о своих подозрениях кому надо. Ну-ка, вспомни, кто угощал Милу перед смертью?»

На этом письмо обрывалось. От последней буквы вниз тянулась ровная линия, словно кто-то вырвал у Кости клочок бумаги и унес.

Я скомкала бумажонку и швырнула на заднее сиденье. Ай да Константин! И ведь мне сначала стало его жаль, я была готова нестись в ближайший магазин и покупать продукты по приложенному списку. Но конец письма охладил мой пыл. Вот оно что! Костя во что бы то ни стало хочет убедить окружающих в своей невинности, и он выбрал для этой цели замечательную линию защиты: жену не убивал, просто повздорил с ней, поездку в Ложкино специально не планировал, отправился к нам спонтанно, о каком заготовленном яде может идти речь? И вообще, глупо убивать жену на глазах у знакомых. Вот тут я со Звонаревым согласна: и правда, лишь дурак способен на подобный поступок. Но есть и очень хитрые преступники, прикидывающиеся идиотами. Значит, сейчас Костя пытается свалить вину на нас. Дескать, кто-то из обитателей особняка в Ложкине подсунул госпоже Звонаревой медленно действующую отраву, а тут, весьма кстати, появился Костя и мигом был принят за убийцу.

И он еще ждет от меня продукты? В полном негодовании я нажала на газ и, стартовав ракетой с места, понеслась домой. Путь лежал мимо ресторана «Кофе и чай». Увидав знакомую вывеску, я притормозила. Ладно, загляну на минуточку, хлебну латте, успокоюсь и покачу в Ложкино.

Я довольно часто заглядываю в «Кофе и чай», едальня привлекает меня вкусной выпечкой и отличным капучино. Цены тут умеренные, пафоса никакого, поэтому так называемая тусовка сюда не заходит. В «Кофе и чай» не работают официанты, умеющие с одного взгляда назвать стоимость вашей одежды и определить, к какой коллекции относится сумочка. К тому же милая ресторация расположена довольно далеко от метро, в тихом переулке, рядом нет остановок общественного транспорта, поэтому основную массу клиентов приятного местечка составляют постоянные посетители, которым, как и мне, претят шум, суматоха и крик.

Предвкушая вкусный кофе, я вошла в холл и радостно сказала гардеробщице:

– Привет, Леночка.

Обычно девушка, увидав меня, мгновенно выскакивает из своего закутка, берет одежду и заговорщицки шепчет:

– Даша, здравствуй! Не берите сегодня «Наполеон». Шеф с утра так орал! Коржи перепекли. Вот чиз-кейк – суперский.

Но сегодня Леночка отреагировала более чем странно.

– Ой, – вырвалось у нее, – это вы?

– Ну да! А что удивительного? Возьми куртку.

– Э... э... ага! Сейчас! – кивнула Леночка и ужом скользнула в служебное помещение.

Я удивилась. Что случилось со всегда милой девушкой? Впрочем, любые произошедшие с Леночкой метаморфозы не имеют ко мне никакого отношения. Может, у гардеробщицы живот болит, и она понеслась в туалет!

Сняв курточку, я положила ее на деревянный прилавок, шагнула в зал, с радостью отметила, что там находится всего лишь одна женщина, хотела сесть за любимый, расположенный у окна столик, и услышала слегка задыхающийся голос метрдотеля Димы:

– Ах, Дарья Ивановна, простите, но мы закрыты!

– Не поняла! Как закрыты?

– Увы, спецобслуживание. Ресторан выбран для проведения дня рождения.

– Но вон там клиентка?!

– Да, да, она последняя. Сейчас уйдет и все, начнем шарики развешивать.

– Мне только латте. Это быстро!

Дима заломил руки.

– Ужасно! Так неприятно вам отказывать! Все отключили, кухня только для праздника работает.

– Да, конечно, – кивнула я и пошла к выходу.

– Курточку возьмите, – пискнула красная Леночка.

Я вышла на улицу, села в «Пежо» и стала размышлять, где можно выпить латте. Ладно, поеду в «Колясочку», там, правда, намного дороже, зато сие заведение никогда не закрывается для постоянных клиентов. Кстати, там можно и поесть, допустим, мидии или морские гребешки.

И тут произошло нечто интересное. Пока я сидела в «Пежо», к «Кофе и чаю» подъехала машина, из нее выбрались парень с девушкой и прошли внутрь. Через пару мгновений я увидела, что влюбленные преспокойно уселись за мой любимый столик у окна. Мэтр Дима сам подал им меню.

Я во все глаза наблюдала за происходящим. Вот парочке принесли в высоких стаканах латте и пирожные, более того, сейчас на моих глазах в ресторацию впрорхнули две девицы. Боковое стекло «Пежо» было опущено, и я великолепно услышала диалог девчонок.

– Во, давай сюда, – сказала она, ткнув пальцем в вывеску.

– Ладно, – согласилась другая, – надеюсь, тут не дерьмом поют.

Согласитесь, разговор мало походит на беседу гостей, приглашенных на день рождения, да и парочка, любезничающая сейчас у окна, тоже явно заглянула полакомиться кофейком. Значит, забегаловка преспокойно работает, Дима обманул меня.

Я схватилась за руль. Совершенно не понятно по какой причине Дима решил бортануть Дашутку. Не стану требовать от наглеца объяснений, просто более никогда не загляну в сей отстойник!

Кипя от бешенства, я добралась до «Колясочки», поднялась по мраморным ступенькам, толкнула тяжелую дверь и оглядела зал. Одна из официанток, навесив на лицо улыбку, ринулась ко мне.

– Где хотите сесть? – затараторила она. – Может, в голубой гостиной?

Я не успела ответить на вопрос, потому что дама в темно-красном костюме, стоящая около стойки с пирожными, крикнула:

– Марина, иди сюда!

– Простите, – воскликнула девушка и кинулась к начальству.

Я спокойно сняла куртку, увидела, что официантка идет назад, и сказала:

– Лучше я здесь останусь, вон там, на диванчике.

– Извините, – залепетала девчонка, – у нас нет свободных мест.

– Как это? Да вон полно столиков, пустых!

– Э... э... э... они заказаны, сейчас люди придут.

– Ладно, тогда в голубой гостиной.

– Ну... у... у... там... э... э... э... уборка!

– Но вы же секунду назад предлагали мне сесть именно там!

– О... о... о... и... я... совсем забыла! Да! Там наводят порядок. До свиданья.

В состоянии, близком к истерическому, я выпала на улицу, отошла чуть в сторону от «Колясочки» и тупо уставилась на витрину какого-то бутика. Что происходит? Я не прошла в «Колясочке» фейс-контроль? Но меня там великолепно знают. Был, правда, один случай, когда я заявила в пафосное место после неудачной стрижки, в тот день меня в ресторане встретили без улыбки, но уже через секунду местное начальство по имени Алина всплеснуло руками:

– Боже, это вы! – и инцидент оказался исчерпан.

Но сегодня я смотрюсь, как всегда, а Алина сначала отвернулась, а затем, подозвав к себе официантку, приказала не впускать госпожу Васильеву.

Глава 5

Чья-то рука осторожно коснулась моего плеча, я обернулась. Рядом стояла та самая официантка, вроде Алина назвала ее Мариной.

– Дарья, – тихо сказала она, – простите. Это не я! Алина приказала вас пнуть.

– Но по какой причине я не прошла фейс-контроль?

Марина потупилась.

– Извините, я являюсь подневольным человеком, приказали – выполняй.

– Вот бред! В «Кофе и чай» я тоже не сумела попасть!

Официантка закашлялась.

– Хотите мятную конфетку? – предложила я. – Всегда с собой ношу, помогает при простуде.

Марина тяжело вздохнула.

– Спасибо. Знаете, лично я против вас ничего не имею, поверьте! Это Роберт Иванович с утра позвонил и...

– Роберт Иванович?

– Ну да! Коваль.

– Это кто?

– Неужто не знаете?

– Среди моих знакомых человека с подобным именем нет, – растерянно ответила я.

Марина улыбнулась.

– Коваль – известный ресторатор. Он хозяин «Колясочки», «Шу-шу» и «Вешалки». Кстати, «Кофе и чай» тоже его точка, но рассчитанная уже на иной срез посетителей. Те, кто ест в «Коляске», ни за какие конфеты не заглянут в «Кофе и чай». Вы, наверное, одна такая, кто в оба места ходит.

– Чем же я досадила ресторатору? – окончательно растерялась я. – Мы с ним не знакомы, общих дел не имеем.

Марина замялась. Увидав ее растерянное лицо, я воскликнула:

– Сделай одолжение, скажи. Похоже, ты знаешь правду.

– Только вы не переживайте, ладно?

– Из-за чего?

– Ну... Роберт Иванович прочитал статью в газете «Треп», позвонил Артуру, а тот ему и сказал:

– Имею очень надежные источники в нужных местах. Точно знаю, Васильеву не сегодня-завтра посадят. Худо будет, коли ее в твоей жральне арестуют. Прикинь вой по Москве? Где взяли убийцу? У Ковалья! Да конкуренты мигом подсуеются, и пойдет по газетам и журналам вал информации: к Роберту не ходите. Там в одном зале легко можно оказаться с насильником или другой какой сволочью. И потом, представляешь картину? Сидит пафосный банкир или депутат, а тут влетает ОМОН, укладывает посетителей мордой на элитный паркет, крушит ботинками аквариум, сметает на пол эксклюзивную посуду, стреляет по люстрам, сделанным на заводе Сваровски, и уводит Дарью Васильеву. Тебе такой пиар нужен?

Я раскрыла рот, сначала не сумела выдать из себя ни звука, потом все же произнесла фразу:

– Кто такой Артур?

– Пищикова. Журналист. Неужели никогда не слышали?

– По совету профессора Преображенского³ я не читаю газет на ночь, – пробормотала я.
– Ваш доктор, похоже, умный человек, – закивала Марина, – но остальные-то с удовольствием «Треп» хватают. Знаете, какой у него тираж?! Хотите совет? Езжайте домой и сидите тихо, небось Артур не только Роберту Ивановичу в уши напел.

– Сомневаюсь, что он дозвонился до хозяина «Макдоналдса», – прошипела я.
Марина хихикнула.

– Ага! Еще на вокзал можно пойти или в пельменную около кладбища. Говорят, у вас денег много, улетайте за границу и живите спокойно. Москва быстро сплетни забывает. Через годок вернетесь, все и не вспомнят о болтовне. А вы правда кого-то убили?

– Да, – рывкнула я, – журналиста! Брехливого и гадкого!

Марина шарахнулась в сторону, а я села в «Пежо» и схватилась за мобильный. Сейчас узнаю по справочной координаты редакции газеты «Треп» и отправлюсь туда бить гражданина Пищикова.

Раздобыть адрес пасквильного листка было нехитрым делом, намного труднее оказалось проникнуть внутрь тщательно охраняемого помещения. Внешний вид небольшого домика, где помещалось издание, изумлял. Окна первого этажа были наглухо заделаны железными листами, дверь представляла собой стальную пластину, сбоку виднелся звонок, прикрытый чем-то вроде клетки, воспользоваться им можно было лишь засунув палец в маленькое отверстие между прутьями.

Я ткнула в пупочку.

– Вам кого? – прохрипело слева.

– Артура Пищикова.

– Фамилия?

– Пищиков.

– Не его, а ваша, – бесстрастно вещал секьюрити.

На секунду я призадумалась, потом сообщила:

– Воронцова.

Если представляюсь Дашей Васильевой, Артур скорее всего побоится иметь со мной дело. И потом, я совсем даже не соврала! Воронцовым звали моего первого мужа.

– Вас нет в списке.

– Но...

– До свиданья.

– Мне очень надо попасть в редакцию.

– Звоните секретарю.

– Номерок подскажите.

– Без понятия.

– Может, все же сообщите Пищикову о моем приходе?

– Не имею подобных полномочий.

Я ударила ногой по створке, послышался обиженный, гулкий звук.

– Ща допинаешься, – сообщил охранник, – милицию вызову.

Да уж, похоже, в «Треп» частенько являются люди, чтобы поколотить местное руководство вкупе с журналистским коллективом, иначе с какой стати особняк напоминает бункер.

– Ступай отсюда, – велел секьюрити, – не фиг на крыльце маячить!

Я вернулась к «Пежо» и перевела дух. Моя бабушка частенько говаривала: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее» и «Никогда не сдавайся». Впрочем, богатый личный опыт научил меня еще одной истине: «Все, что ни происходит, делается к лучшему».

³ Даша сейчас вспоминает об одном из героев романа М.Булгакова «Собачье сердце».

Вот сейчас я не попала в «Треп» и очень хорошо, потому что следует действовать аккуратно и осмотрительно. Ну назвалась я Воронцовой, и что? Артур-то мгновенно узнает меня, значит, надо слегка изменить внешность. И где тут ближайшее метро?

Спустившись в подземный переход, я медленно потащила мимо мелких магазинчиков. Так, горячий хлеб, газеты, мобильные телефоны, фототовары, керамические фигурки... Неужели я ошиблась и париков тут нет?

Но не успела я тяжело вздохнуть, как глаза выхватили стойку, украшенную разноцветными волосами разной степени кудлатости. Обрадовавшись словно щенок, получивший лишнюю порцию ужина, я подошла к палке и стала изучать вывешенный на крючках товар.

– Не сомневайся, – лениво произнесла продавщица, – отличная вещь! Волос искусственный!

– Натуральный, наверное, лучше, – решила поспорить я.

Торговка прищурила хитрые глазки, потом дернула за руку красивую блондинку с локонами, спускавшимися ниже плеч.

– Слышь, продай прическу!

Девушка, преспокойно разглядывавшая до этого керамических собачек и свинок, шаранулась в сторону.

– Офигела, да?

– Незадаром, деньги заплатим!

Блондинка повертела пальцем у виска.

– Ваще! Я другим зарабатываю.

– Во, – повернулась ко мне торгашка, – слышала? Все еще хочешь натуральные космы? Имей в виду, их либо у трупа отстригают, либо у таких кадров покупают...

– Дайте вон тот померить! – я быстро сделала выбор.

– Он дорогой.

– Все равно.

– Возьми рыжий.

– Хочу черный.

– Тебе не пойдет, – решительно помотала головой баба, – никто не узнает!

– Отлично, снимайте, буду брюнеткой! – обрадовалась я.

Получив новые волосы, я пришла в полный восторг, потом купила еще в придачу большие очки с простыми стеклами, водрузила их на нос, вернулась к «Пежо» и предприняла новую попытку обнаружить Артура. На этот раз позвонила по телефону и потребовала:

– Соедините меня с Пищиковым.

– Кто его спрашивает? – проявила бдительность секретарь.

– Э... – взгляд упал на аптечный ларек, – Аспиринова.

– Минутку, – сухо ответила девушка, потом в ушах заиграла музыка. – Артур Германович отсутствует, можете оставить информацию мне, – заявила девица.

Но я была готова к подобному повороту событий и, зажав пальцами нос, загундосила:

– Ишь хитрая! Расскажи ей все, а деньги!

– Какие? – совершенно искренне удивилась секретарь. – Артур вам что-то должен?

Я внимательно вслушивалась в звуки, доносящиеся из трубки. Девушка разговаривала звонким голосочком, чистым, высокого тона дискантом. Неужели я ошиблась? Вдруг гадкого Пищикова и впрямь нет за рабочим столом? Журналисты не писатели, им, прежде чем накропать статью, следует собрать материал.

Но тут вдруг до слуха долетело тихое покашливание, и я моментально обрадовалась. Ага, я верно рассчитала, Пищиков сейчас слушает беседу по второму аппарату. Ну, Артурчик, погоди! Посмотрим кто кого!

– Ща, – занудила я, – такое денежек стоить. Промежду прочим, вашу газетку я читаю! Значитца, так! Ты Артуру-то передай! Аспиринова звонит...

– Вы уже представлялись, – перебила девица.

– ...я домработницей у Дарьи Васильевой служила, – как ни в чем не бывало продолжала я, – старалась изо всех сил. Ну, может, чаво порой и не замечала, пыли, например, под столом, или золу из камина не выгребала. Только все мы люди, этих... ну... как их...

– Идеальных, – подсказала секретарша.

– Во-во, идейных нет, – старательно пыталась я изобразить из себя полуграмотную бабу, – уж пласталась на ихних коврах, собачатам жопу лизала. И че? Выперли вчера и зарплаты не дали! А денюжки мне ой как нужны, прям башку сломала, ну где их надыбать. Во, таперича любимому журналисту звоню. Говорять, вы за всякие рассказы платите?

В трубке щелкнуло, послышался приятный баритон.

– Конечно, платим, дорогая... э... Как вас величать?

– Анна Ивановна, лучше просто Нюша, не привыкли мы к отчеству, – сдерживая рвущееся наружу ликование, ответила я.

– Нюша, если ваша информация окажется эксклюзивной...

– Какой? – дурачилась я. – Кс... икс... зив...

Артур тихо засмеялся.

– Очень интересной и необычной, тогда вы имеете шанс получить великолепную сумму.

– Ну я такое знаю! В ихнем доме бабу отравили, сама видела!

– Вы были свидетелем убийства?

– А то! Она об пол хлопнулась! Ен как завопит! Дарь Иванна визжать! Девка ее противная, Машка, вот исчадь, прости господи, тараканов домой принесла ящериц кормить, та прямо ижшо...

– Вы где находитесь?

– А тута, возле вас! Меня унурь не пустили, хоть и просилася.

– Около входа стоите?

– Угу.

– Посмотрите налево.

– И чаво?

– Видите вывеску «Голубой кот»?

– Ну. Ресторан.

– Заходите внутрь.

– Ой, не одетая я для праздника, голова не прибранная!

– Плевать мне на вашу голову, – раздраженно воскликнул Артур.

– Ой, – не утерпела я, – не надо мне на башку плевать!

– Не в том смысле, – начал выходить из себя Артур, – а в том, что насрать!

– Мама! Если денежки даете только на этих условиях, то лучше уж наплюйте! – немедленно отреагировала я.

Тяжелый стон вырвался из трубки.

– Нюша!

– Аюшки.

– Ступай в «Голубого кота».

– Ага.

– Тебя в зале встретит мэтр.

– Погодьте, запишу.

– Что ты, дурья башка, записывать собралась? – вышел из себя Пищиков.

– Так имя вашего знакомого! Как, говорите, не разобрала, Митр? Митя, штоль?

– Ньюша, топай в жральню и скажи официанту: «Проводите меня в кабинет к Артуру». Ясно? Повтори!

– Проводите меня в кабинет к Артуру. Вы, че, там работаете? Я ваще куды попала-то? Звонила в «Треп»!

– Правильно, делай, что велю. Через пять минут приду в трактир. Усекла?

– Угу.

– Ступай.

– Уже побегла.

Из трубки понеслись частые гудки. Я сунула телефон в карман и, довольно улыбаясь, пошла в сторону высокой башни, на первом этаже которой виднелось огромное изображение кота интенсивно синего цвета. В этой жизни женщина может добиться огромного успеха, если будет помнить об одной простой вещи: каждый мужчина, любой, исключений в данном случае нет, уверен, что он умнее всех на свете, остальные парни ему и в подметки не годятся, их мыслительные способности на порядок ниже. Но, признавая за другими представителями сильного пола наличие хоть нескольких извилин в мозгу, мужики пребывают в уверенности, что все бабы – дуры. Не следует спорить с ними на эту тему. Надо помнить, мужчины сами вкладывают нам в руки оружие, давайте просто умело им пользоваться для достижения собственных целей.

Одна моя подруга сейчас владеет огромной конторой, занимается недвижимостью. Когда я еду к себе домой в Ложкино, то люблюсь рекламными щитами, стоящими на Новорижском шоссе буквально через сто метров друг от друга: «Дома в элитном поселке», «Таун-хаусы для вас», «Роскошные участки у озера». Это Ванда рекламирует свои поселки, иногда мне кажется, что она ухитрилась скупить всю землю между Москвой и Питером. А с чего начинался бизнес? С пустого места. Ванда не имела денег, богатых покровителей, связей, вообще ничего. Зато пока другие стояли в очередь к богу за всякими благами, Ванда пристроилась в хвост за умом и получила его даже больше чем надо. Так с чего начался ее бизнес? С похода в парикмахерскую. Ванда вышла из салона кудрявой блондинкой, этакой Барби. В образе глупой куклы она начала бродить по кабинетам, хлопая глазами и приговаривая:

– Господи, я пока плохо разбираюсь в том, что затеваю...

Страну трясло в лихорадке перестройки, и один из влиятельных мужчин, твердо зная, что все блондинки дуры, решил использовать идиотку, пришедшую просить кредит на постройку дома. Дядечка задумал сделать Ванду ширмой, чтобы провернуть личные делишки. Для начала он выделил «Барби» некую сумму. Умный начальник думал потом списать на тетку немалые деньги, подставить ее, но... У «Барби» оказалась хватка акулы, менталитет крокодила и редкостное умение мгновенно перемножать в уме трехзначные числа. Свою аферу мужик провернуть не сумел. Ванда обвела его вокруг пальца, получив огромные дивиденды. Сколько раз потом ей помогал имидж блондинки из анекдотов и не сосчитать. И сейчас «Барби» ворочает миллионами. Судьба умных мужчин, «скушанных» трепетной, кудрявой, глупой на вид девушкой, мне не известна.

Умная женщина никогда не станет спорить с мужиком, который, влезая в обтрепанную, старую машину, горделиво восклицает:

– Все бабы дуры!

Нет, она кивнет, улыбнется, сядет в свою роскошную иномарку и укатит прочь. Правильно, признаем, мы, женщины, очень глупы, как только мужчина осознает это, он успокаивается, расслабляется и... Уж простите за сравнение, но, знаете, какие грызуны чаще всего попадают в мышеловки? Самцы – это доказано наукой. Самки, очевидно, полные кретинки, они не понимают, что сыр можно съесть. А мужская особь, обладатель широких познаний, делает вывод: нос чует кусок сыра, сей продукт вкусен. Ну и...

Вот и Артур угодил в ловушку, сейчас прибежит на свидание с Ньюшей, абсолютно уверенный, что легко и за копейки получит эксклюзивную информацию. А почему? Да потому

что я оправдала его ожидания. Раз баба – то дура. Думаю, я не достигла бы успеха, начав цитировать Пищикову «Опыты» Монтеня⁴ или труды Макиавелли⁵.

⁴ Мишель де Монтень (1533–1592 гг.) – философ-гуманист.

⁵ Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.) – итальянский политический мыслитель, литератор и историк.

Глава 6

Очевидно, Пишиков часто пользуется «Голубым котом» в качестве места для свиданий с информаторами. Метрдотель не выказал никакого удивления, услышав от меня имя «Артур». «Нюшу» провели в небольшую комнату с одним столиком и оставили в полном одиночестве, забыв предложить кофе или чай.

Впрочем, долго сидеть мне не пришлось, дверь распахнулась, в кабинетик влетел худенький черноволосый парнишка и с ходу затараторил:

– Ты Нюша? Прекрасно! Эй, кто-нибудь, тащите мне чаю, зеленого, с жасмином, пирожков с мясом и ваших пирожных. Сто долларов!

Последняя фраза относилась ко мне.

– Да ну! – восхитилась я.

В глазах Артура промелькнуло разочарование, в них ясно читалось: «Эх, прогадал. Этой бы и двадцати баксов хватило».

– Целая сотняшка, – радовалась я, – да мне за такие тугрики полмесяца работать надо.

Артур опустил руку в карман, потом вытащил ее наружу и воскликнул:

– Васильева так мало платит прислуге?

Сообразив, что мерзавец включил диктофон, я затараторила:

– Ой, беда! Богатые же жаднучие! Работы у ей сколько! Одних вазов сто штук, ищо с собак грязь летит...

– Милочка, – перебил меня Артур, – вы об убийстве говорите.

– А че? Сами не знаете?

– Нет.

– Ваше ничего?

– Нет.

– Во как! А я севодни «Треп» купила, тама статья! Про мою хозяйку! Чего ж таперь говорите, будто не знаете? Прямо все подробно описано! Она эту отравила, а на мужа свалила! Ну, не своего, а того, в общем, ейного! Понятно, да?

– Нет! Говори нормально.

– Ща! Ой, можно дверь прикрою, а то дуеть! Я шибко простудливая, мигом заразу цепляю, а все потому, что в яслях...

– Ступай захлопни створку и начинай рассказ по теме, – процедил Артур, – имей в виду, сто баксов предельная цена, если ерунду наболтаешь, и десяти не получишь.

– Вау, – воскликнула я, идя к двери, – ща такое услышите, что и двести не пожалеете!

Артур хмыкнул, я быстро схватилась за ручку, хлопнула створкой о косяк, повернула торчащий в замочной скважине ключик, положила его в карман и спокойно сказала:

– Уважаемый, сто долларов за эксклюзивный рассказ о жизни семьи, которая никогда не пускает в свой дом корреспондентов, является смехотворной суммой. Если платите столько информаторам, то не удивительно, что они приносят вам малозначимые сведения.

Артур вытаращил глаза.

– Вы...

– Давайте познакомимся, – мило улыбнулась я, сдергивая парик и снимая очки, – Даша Васильева, впрочем, думаю, мое лицо вам знакомо.

Пишиков вскочил.

– Спокойно, дружок, – предостерегла я, – лучше сядьте. Вам не следует сейчас опасаться физической расправы. Вы видите перед собой слабую, беззащитную женщину, без оружия, газового баллончика, электрошокера и пакетика с перцем. Давайте просто поболтаем. Я

ответу на ваши вопросы, а вы на мои, но с одним условием: выньте из правого кармана диктофон.

Артур медленно сел, потом положил на стол сверкающий прямоугольник.

– Что за маскарад? – возмущенно воскликнул он. – Неужели нельзя было нормально сказать: «Артурчик, поговорить надо»?

– Заинька, – снова озарила я комнату улыбкой, – а теперь, сделай одолжение, вытащи звукозаписывающий аппарат из другого кармана.

Пару секунд Пищиков молча смотрел на меня, потом рассмеялся и выложил на столешницу еще один диктофон.

– Теперь все, – ухмыльнулся он.

– Нет, выруби телефон. У тебя какой? О, замечательная модель, она тоже умеет фиксировать слова.

Пищиков захохотал.

– Вас полковник научил таким штучкам?

– Нет, сама докумекала. Кстати, с чего ты взял, что я и Дегтярев любовники?

– Эка новость! Все говорят.

– Кто?

– Все.

– Назови имена.

– Ну... все.

– Понятно. По какой же причине ты решил, будто Звонареву убила я?

– Кто ж еще?

– Действительно. Вообще говоря, это сделал ее муж, Костя.

Артур кивнул.

– Ага. Хорошая версия, но глупая. Никакой критики не выдерживает. Хотя, понимаю, у полковника не было времени, чтобы придумать нечто более внятное. Просто обхохотаться! Вошел в дом и на глазах у всех начал травить бабу. Ни в какие ворота не лезет.

– Понимаешь, что оклеветал меня?

– Не. Я высказал собственное мнение.

– Тиражом в несколько сот тысяч экземпляров.

– Ну... имею право! У нас свобода слова, – нагло заявил Артур.

Мои руки сжались в кулаки, Пищиков заулыбался.

– Если сейчас полезешь драться, я не стану оказывать сопротивления. Но имей в виду, мэтр мигом вызовет ментов. Конечно, твой любовничек выручит курочку из обезьяника, но мне-то рта не заткнуть.

Я раскрыла кошелек.

– Сколько хочешь за молчание?

Артур потер слишком маленькие для мужчины руки.

– Значит, я не ошибся! Ты отравила Людмилу. А теперь хочешь погасить волну. Ну нет, милочка! Артур не продается, хоть кого спроси, Пищиков всегда пишет только то, что думает. Ни один человек не может похвастаться, что купил меня. Вот сейчас вернусь в редакцию и быстро сообщу читателям, как госпожа Васильева пыталась заткнуть рот свободной прессе кляпом из бабла. Ошиблась ты, цыпа. Я не Семенов из «Утки», вот тот за лавэ все отдаст.

Поняв, что совершила глупость, я обозлилась и рявкнула:

– Подам в суд на «Треп».

– Ой-ой, – закривлялся Артур, – действуй. У нас целый отдел юристов нанят, постоянно судимся. Ей-богу, мне насрать на результат процесса, «Треп» только больше читателей приобретет, а твоя репутация умрет. Народ, знаешь, какой? То ли она отравила, то ли ее отравили, но случилась там неприятная история, давайте держаться от Дарьи подальше.

- Ну ты и сволочь!
- Ага, хороший комплимент.
- Просто мерзавец!
- Верно.
- Зачем наболтал ресторатору Ковалю гадости про меня?

Пищикова усмехнулась. Гадливая улыбочка борзописца окончательно лишила меня самообладания, я стукнула кулаком по столу и заорала:

– Меня теперь в кафе не пускают!

– Правильно, – кивнул Артур, – а то вы, богатые, полагаете, если сумели натырить народные денежки, так на все имеете права? Нет уж! Я Робин Гуд, который искореняет несправедливость. Отравила Людмилу и думаешь спокойно по трактирам ходить? Решила, что любовничек отмажет? Нетушки! МВД у нас куплено, суд тоже, но я-то не продаюсь, всем правду расскажу и накажу тебя! Не пустили пожрать? Эка беда, еще и в бутики не войдешь!

Я уставилась в злобное, покрасневшее личико парнишки. Господи, похоже, он и впрямь считает себя борцом за правду и справедливость, санитаром леса, врачом, вскрывающим нарывы.

– И сколько тебе лет? – вырвалось у меня.

– Какая разница?

– Это тайна?

– Нет, двадцать.

– Учишься на журфаке?

– Ха! Туда только свои попадают, по благу, за бабки. А у меня их нет, и у матери тоже, она инвалид. Да и зачем мне диплом? И без него хорошо пишу, – вновь начал размахивать саблей над головой юноша.

Внезапно мне стало жаль мальчишку.

– Отец у тебя есть?

– Неа! И не нужен! Проживем без него!

– Мама чем больна?

– Диабет, – вдруг тихо ответил Артур, – ужасная болячка, особое питание, уколы, да еще ногу год назад отрезали. Зачем любопытничаете? Думаете, деньги возьму?

Из Пищикова снова потоком полились обличительные речи, но я перестала воспринимать звуки. Вот бедолага! Вырос, не зная любви, очевидно, тяжелобольной маме было недосуг говорить сыну хоть раз в неделю:

– Ты самый хороший, умный, замечательный.

Вот Артур и получился волчком, озлобленным на всех тех, кому в жизни улыбнулось счастье. Еще он, наверное, завидует успешным людям и чувствует собственную значимость, кусая богатых и знаменитых. Только не всегда материальное благополучие достигается воровством, много людей обрело финансовую стабильность благодаря трудолюбию.

– Послушай, милый, – тихо сказала я.

Артур осекся.

– Вы мне?

– Разве тут есть еще кто-нибудь? Ты ошибаешься!

– В чем же, интересно?

– Я не богата.

– Ой, не могу! Да одни часики состояние стоят.

– Это подарок. Деньги наша семья получила по наследству.

– Ага!

– И принадлежат они моим детям.

– Ага!

– Зайди на сайт баронессы Макмайер, вот тебе адрес, и почитай, там рассказана наша история.⁶

– Ага!

– Я не любовница Дегтярева.

– Ага!

– Он просто мой давний друг.

– Ага!

– Да, обитаем с Александром Михайловичем в одном доме.

– Ну конечно!

– И что из этого? Неужели ты бы не пустил к себе приятеля, если у того проблемы с квартирой?

– Нет.

– Да ну? Почему же?

– Я живу в крохотной двушке, не во дворце, как вы, – оскалился Артур, – собаку завести не могу, так тесно! И денег нет, гостей кормить! Самим не хватает! И нечего на стол смотреть, у редакции договор с «Голубым котом», бартер. Они нас бесплатно кормят, а «Треп» их рекламирует.

Я молча смотрела на мальчика. Похоже, нам не понять друг друга. Мы не всегда жили в Ложкине, когда-то имели более чем скромные условия, но вместе с нами обретались собаки, кошка, жаба. А потом заявила Наташка, она спала в коридоре, и ничего, уместились. Бедный Артур, похоже, он не имеет друзей, вот не повезло мальчишке, тяжело ненавидеть весь свет.

– Обломалось тебе? – радостно воскликнул Пищик. – Ну не переживай! Рули на своем «Бентли» в «Утку», забашляешь Семенова, он шоколадом тебя обмажет! Дать адресок?

– Ты опять ошибся, у меня «Пежо-206», не самая дорогая машина.

– Ага!

– Выгляни в окно, вон она.

Артур встал.

– Ну... и чего? «Бентли» небось дома, в гараже! Все вы, богатые, брехать горазды!

Внезапно мне стало жарко.

– Значит, ты пишешь только правду?

– Да!

– Тогда давай договоримся.

– О чем?

– Ты пока приостановишь поток дерьма в наш адрес. А я предоставлю тебе через некоторое время эксклюзив.

– Какой?

– Найду настоящего убийцу Людмилы Звонаревой и расскажу «Трепу» о своем расследовании. Ничего не утаю.

– Ха! Нашла дурака! Ты будешь десять лет меня за нос водить.

– Нет. Давай заключим перемирие на месяц, если к середине ноября я не распутая дело, можешь начинать снова швырять бомбы с навозом.

– Все вы, богатые...

Я встала, подошла к двери, вставила на место ключ, повернула его и сказала:

– Неужели зависть и злоба настолько затмили тебе мозг, что он перестал работать? Что станет с Артуром в тридцать лет, если сейчас он похож на безумного старикашку с транспарантом: «Пусть все живут на сто рублей в год»? Зайди на сайт баронессы Макмайер, а еще можешь поговорить с Олегом Лоскутовым, директором фонда «Помощь». Может, отношение

⁶ См. книгу Дарьи Донцовой «Крутые наследники».

к нашей семье и изменится. Убийцу Людмилы я все равно стану искать, а когда найду, не потребую от тебя публичных извинений, просто пришлю документы, считаешь, подумаешь, вдруг поймешь: мир полон хороших людей. Впрочем, опарыш, живущий в навозе, считает весь свет дерьмом, на то он и червяк, а ты человек, или, по крайней мере издала похож на него!

В состоянии крайней усталости я села за руль, включила мотор и услышала тихий стук в боковое стекло, около «пежуйки» маячил Артур. Я приоткрыла дверь.

– Чего тебе?

– У вас и правда нет «Бентли»?

– Зачем он мне?

– Ну, престижно.

– Я без понтов, это раз. Во-вторых, не люблю большие машины, в-третьих, мне нравится «Пежо», в-четвертых...

– Дайте ваш телефон.

– Записывай.

– Хорошо, – кивнул Артур, – я готов принять ваше предложение о месяце перемирия. Три условия. Первое, я обладатель эксклюзива. Второе, времени у вас тридцать дней и никому не рассказываете о нашем договоре.

– Идет, – кивнула я, – но и без этой беседы я все равно бы начала расследование. Кстати, я не являюсь штатным сотрудником МВД.

Артур повернулся, я нажала на газ и понеслась по улице. Время пошло, некогда балбесничать, любое преступление легче всего раскрывается по горячим следам.

Неожиданно ко мне вернулось хорошее настроение, встав в левый ряд, я поехала вдоль белой линии, сейчас она из непрерывной должна превратиться в пунктирную, во всяком случае, знак, обещающий разворот, я уже проехала.

Сзади недовольно заквакало, мой взгляд переместился в зеркальце. Так и есть, прямо на моем багажнике «сидит» навороченный черный джип, за рулем дядька лет пятидесяти, явно не хозяин, а шофер, ишь, как злится! Привык летать в левом ряду, все небось, завидя тонированный танк со включенными стробоскопами, мигом шарахаются вправо. Я, между прочим, всегда уступаю дорогу тем, кто торопится, и вообще не имею привычки раскатывать в скоростном ряду. Но сейчас-то я хочу развернуться!

Джип заморгал фарами, закричал, завозмушался. Я вцепилась в руль. Хоть умри – не подамся вправо, мне потом не перестроиться. Во, теперь еще и руками размахивает! Ну что за человек! Неужели так опаздывает? Неожиданно из роскошной иномарки раздался громовой голос:

– Эй, гонщик Спида ⁷, ну, ты, на букашке! У машины есть педаль газа. Если не умеешь ею пользоваться, уйди вправо!

У меня вспотела спина и свело шею, у этого джипяры еще и громкоговоритель имеется.

– Слышь, идиотина, стой! – понеслось сзади. – Куда полетела, дура! У тачка сломалась!

От неожиданности я нажала на тормоз. «Пежуйка» немедленно послушался. Сзади раздался взвизг шин.

Я затрясла головой. «Пежо» испортился? Но он же едет? Я открыла дверь и увидела злого мужика в черном костюме.

– Ты ваще как, с головой дружишь? – заорал он. – Встала в левом ряду!

– Мне надо развернуться.

– Так чего затормозила?

⁷ Гонщик Спида – герой популярных мультфильмов.

– Сами же велели, заорали: «Пежо» сломался».

Шофер плюнул на дорогу.

– Во, блин, мартышка! Где ехала, там и замерла. Направо податься надо и у тротуара припарковаться, а не на трассе! Хорошо, у меня тормоза мертвые...

– Что с моей машиной?

– Стопы не горят.

– Это где?

– Задние фонари.

– Фу, ерунда!

– Дура! Не понятно ж, тормозишь или нет, езжай срочно чинить, иначе домой с битым задом прикатишь.

– Да?

– Да! И еще проводку замкнет.

– Ой!

– И током долбанет.

– Ой.

– А там пятьсот вольт.

– Это много?

Шофер прищурился.

– Ну, в розетке двести двадцать, всунь туда пальчики и посмотри.

– Мапочка!

– Верно, изжаришься за рулем! Получится электрический «Пежо», прямо в нем и похоронят.

– Почему?

– К креслу пришкваришься, – заржал шофер, – не отдерут. Видела, как яичница на сковородку наваривается? Так и с тобой будет.

Меня затрясло.

– И что делать? Вот беда.

– Ох, мартышки вы, за рулем, – продолжал веселиться мужчина, – ладно, помогу. Сворачивай ща направо, там сервис стоит, позвоню туда, примут, как родную.

– Спасибо! – с жаром воскликнула я. – Вы настоящий джентльмен.

Глава 7

У нас в семье много машин, собственно говоря, одна лишь Маня пока не имеет колес. Но если вы живете в Подмоскowie, да еще в таком месте, куда не ходит ни электричка, ни автобус, ни маршрутное такси, то вам без личной лошади не обойтись. Поэтому все члены семьи, включая домработницу Ирку, кухарку Катерину и садовника Ивана, получили права и рулят теперь по шоссе. Из всех «гонщиков» я самая аккуратная. В крупные аварии, слава богу, я не попадала ни разу. А почему? Да очень просто. Я реально оцениваю свои возможности и плюхаю с небольшой скоростью в правом ряду. Мне не понять людей, которые мечутся, словно зайцы, шмыгают в любые «дырки», чтобы опередить остальных участников движения.

Москва настолько забита транспортом, что, как ни старайся, пересечь мегаполис из конца в конец за десять минут не получится. А еще мне делается очень страшно, когда, проезжая пост ДПС в Красногорске, я вижу около него «выставку» покореженных, гнутых железок, бывших некогда красивыми машинами. Миновав «экспозицию» с замершим от ужаса сердцем, я хватаюсь за мобильный и начинаю названивать Аркашке и Зайке с вопросом:

– У вас все в порядке?

Ольга, услышав меня, обычно рывкает:

– Сколько раз тебе говорила: ездь через МКАД! Нечего по Красногорску кататься.

А Кеша недовольно заявляет:

– Мать! Я всю жизнь за рулем! Ну сколько можно!

Противные дети абсолютно уверены, что они бессмертны, и от этой их наивности мне делается еще тревожней. Вот катались бы, как я, со скоростью не более сорока километров в час, и проблем никаких. А еще я очень хорошо понимаю, что жизнь и водителя, и пассажиров зависит от состояния автомобиля, поэтому всегда вовремя прохожу всякие «ТО» и меняю летнюю резину на зимнюю. Не надо думать, что самостоятельно ворочаю домкратом, нет, приезжаю на сервис, отдаю машину мастеру и отправляюсь в местное кафе пить чай. Потом просто подписываю счет, честно говоря, даже не читаю его, да и зачем? Все равно ничего не пойму. Один раз заглянула в калькуляцию, заметила там загадочное слово «сальник» и отложила бумагу. Если «Пежо» для лучшей работы следует смазывать салом, пожалуйста, я не против. Главное, чтобы техническое состояние машины было безупречным.

Может, кому-то мое поведение покажется глупым, говорят, что на некоторых сервисах клиентов обманывают, вписывают в калькуляцию невесть что, но я абсолютно доверяю своему мастеру, малоразговорчивому Диме. И сейчас, конечно же, следовало ехать к нему. Одна беда, сервис Димы расположен в Кузьминках, а я нахожусь на Волоколамском шоссе, поломка серьезная... Придется обращаться к незнакомым людям.

Кое-как, со скоростью беременного ленивца, я доплюхала до ворот мастерской. Внешне сервис выглядел вполне пристойно, да и изнутри тоже внушал доверие. Не успела я войти в просторный зал ожидания, как ко мне моментально подошел мужчина в синем комбинезоне.

– Добрый день, – вежливо сказал он, – у вас проблема?

– Да, да, – залепетала я, – стопы... электричество... кресло... пятьсот вольт.

Механик кивнул.

– Мне Игорь Львович звонил, разъяснил ситуацию. Где машина, давайте глянем. Эй, Леша, загни «Пежо» в бокс.

Я молча последовала за мастером, в душе скреблось раскаянье, я так злилась на водителя джипа нагло пытавшегося согнать меня вправо, а он оказался хорошим человеком. Обычно-то люди пообещают и ничего не делают, а Игорь Львович и впрямь позвонил на сервис. Надо потом взять его телефон и поблагодарить за заботу.

Спустя полчаса механик вынес вердикт:

– Да уж! Хорошо, что до нас доехали!

Я посмотрела на бейджик, приколотый к комбинезону, и спросила:

– Скажите, Миша, стопы долго чинить?

– Не очень, но не в них дело.

– Что еще?

– Цапфа еле держится, у нее хомутики лопнули, и сейчас кроншпунт полетит, – спокойно ответил Михаил.

Я вздрогнула. Цапфа, хомутики, кроншпунт. Чего только нет в автомобиле!

– Эти детали обязательно менять?

Миша пожал плечами.

– Так вопрос ставить нельзя. Обязательного ничего нет. Давайте объясню ситуацию.

Цапфа держит ребрик, а тот стопорит тормозную колодку руля...

– У баранки есть тормоз? – изумилась я.

– Конечно, – кивнул Миша, – ну подумайте сами, вы поворачиваете налево, крутите, крутите руль, потом бац, он дальше не идет, а почему? Ведь круглый, должен вращаться постоянно? Ан нет, там тормозная колодка имеется. Так что, если цапфу не починить, вы контроль над «Пежо» теряете. Ясно?

Я кивнула. Надо же, какой симпатичный дядька. Дима никогда мне ничего не объясняет. Раньше, когда я еще пыталась задавать на сервисе вопросы, Дмитрий закатывал глаза и отвечал:

– Дарь Иванна, за фигом вам все знать, а? Я ж не спрашиваю, из чего бабы суп варят!

А этот Миша очень спокойно, без всякой насмешки, растолковывает ситуацию.

– Если надо – чините цапфу, – приняла я решение.

Михаил кивнул.

– Очень разумно, кое-кто из водителей экономит на ремонте, а результат... Да вон, поглядите!

Я проследила взором за рукой механика и вздрогнула. В соседнем боксе стояла, нет, лежала, груда покореженного металла, похожая на мятый листок бумаги.

– Увы, – продолжал Михаил, – не послушался нас человек, на цапфе сэкономил.

– Мамоchка, – прошептала я, – немедленно поменяйте ее, вместе с этими... как их...

– Хомутики и кроншпунт.

– Да, да!

– А тормозные колодки у руля?

– Непременно.

Михаил вздохнул.

– Ладно, это выполним.

– Что-то еще не так? – напряглась я.

– Ну...

– Говорите сразу.

– Машина не в лучшем состоянии. Хотя то, что вам не сделали полировку от ворон, ерунда.

– Полировку от ворон? – растерялась я. – Есть такая?

– Конечно, – спокойно кивнул Михаил.

– Но к чему она?

Механик поманил меня пальцем.

– Вон на крыше пятнышко, видите?

– Ага.

– Знаете, что это?

– Ну... птичка наследила, надо помыть.

– Как бы так просто! Экология в Москве жуткая, вороны теперь, простите, пожалуйста, кислотой срутся. Это раньше мы тряпочкой дерьмо отмывали, а теперь фекалии разъедают краску, начинается коррозия, и в результате приходится полностью перекрашивать авто. Дабы избежать неприятности, продвинутые сервисы предлагают специальную полировку, разработанную в Германии. Средство двойного действия: оно отпугивает птиц и защищает корпус. Дороговато, правда, зато эффективно. Ну и в конечном результате вы сберегаете свои деньги, иначе такая коррозия кузова пойдет!

Я разозлилась на Диму, ну почему он мне не рассказывал об этой полировке?

– Ну да краска ерунда, – спокойно говорил Миша, – намного хуже, что у вас колеса из вспененной резины.

Я покосилась на покрышки.

– Вроде дорогие брала!

– Дорого не всегда хорошо, – улыбнулся Михаил, – ваш баллон в любой момент рвануть может. Удержите машину?

– Нет, – прошептала я.

– О чем и речь!

– Господи! Что делать?

– Давайте поставим каучуковые, литые.

– Да, конечно.

– Но к таким колесам нужны диски из титана.

– Ага.

– И гайки анодированные.

– Угу.

– Подшипники с цапфами.

– Цапфу уже договорились менять, – напомнила я.

Михаил вздохнул.

– Рулевую. О колесных пока речи не шло. Потом...

Механик замолчал.

– Умоляю, говорите все, – потребовала я.

Михаил сдвинул брови.

– Шайба коленчатого вала погнута.

– Меняйте.

– Сход-развал грязью забит.

– Чистите.

– Насос подтекает.

– Ремонтируйте.

– Еще свечи!

– У вас нет электричества! – возмутилась я. – Хороша мастерская.

Мастер кашлянул.

– Свечи для мотора.

– Ой, конечно! Простите.

– А еще сцепление расцепилось.

– Соединяйте, – в полном отчаянье заявила я, – реанимируйте мой «Пежо». Больше никогда не поеду в свой старый сервис, теперь только к вам! Спасите, миленький. Кстати, это долго?

И сколько стоит услуга?

Михаил чихнул.

– Тут есть еще одна проблема.

– Какая? – безнадежно поинтересовалась я.

– Вот, – сообщил мастер, – смотрите, дна нет.

– Где?

– Под мотором.

Я уставилась в пространство под капотом. Действительно, там всякие штуки, а под ними виднеется кафельная плитка, напольное покрытие сервиса.

– В салоне все в порядке, – продолжил Михаил, – ничего не сгнило, а тут отвалился.

– Но «Пежо» совсем новый, – только и сумела промямлить я.

– Случается, – меланхолично пожал плечами Михаил, – французы, блин, может, какие гайки не довинтили, вот он и отпал.

– Так сколько с меня? – окончательно испугавшись, повторила я недавно заданный вопрос.

Страшно подумать, какой опасности я подвергала свою жизнь, раскатывая на «убитой» машине!

Михаил вынул из кармана калькулятор.

– Сейчас прикину. Да, такой вопрос. Детали берем родные, французские, или китайский аналог?

Ну и что бы вы ответили? Я не исключение, поэтому с жаром воскликнула:

– Естественно, сделанные во Франции.

– Ладно. Кстати, вы получите десятипроцентную скидку, мы ее, обычно, в первый визит не даем, но как будущему постоянному клиенту пойдем навстречу. Итого, с учетом вашей личной суперскидки... э... э... восемнадцать тысяч.

Я обрадовалась. Такой ремонт и недорого.

– Можно оплатить карточкой?

Михаил замялся.

– Лучше наличными.

– Но у меня с собой только десять тысяч наличными.

Миша улыбнулся.

– Не беда! Отдадите сейчас часть, остальное довезете завтра. Машину возвратим по факту полной оплаты. Пойдемте в кассу.

В небольшой комнатке за стеклом сидела рыжеволосая девушка. Миша быстро заполнил квиток, сунул его в окошко и велел:

– Ира, прими пока десятку.

– С удовольствием, – улыбнулась кассирша.

Я вытащила тысячные бумажки.

– Это что? – удивилась девушка.

– Деньги, рубли.

– Но тут всего десять тысяч!

– Правильно, с меня восемнадцать, но мы договорились...

Кассирша и механик переглянулись, Миша кашлянул.

– Восемнадцать тысяч в валюте!

Я подлетела над полом.

– Восемнадцать тысяч долларов!!!

– Нет, евро, – спокойно поправил Михаил.

Меня затошнило.

– Господи, дешевле новый «Пежо» купить.

Механик пожал плечами.

– Вам видней. Не хотите – уезжайте, только осторожно, не ровен час цапфа вывалится.

Я схватилась за телефон и набрала номер Кеши.

– Котик...

– Мать, я сейчас занят!

– У меня машина сломалась!

– И что случилось?

– Стопы не горят, цапфа отваливается, хомутики рвутся, тормозная колодка у руля барахлит, еще мои колеса из вспененной резины ужасны, баллон может рвануть в любой момент, и потом, надо сделать полировку от ворон! А под мотором исчез пол!

Аркашка закашлял.

– Тебе Дима такое сказал?

– Нет, – зарыдала я и рассказала Кеше о событии на дороге.

– Мать, – сурово заявил адвокат, – говори адрес, сейчас приеду!

– С деньгами!

– Непременно, – рявкнул Кеша, – еще и чаевые прихвачу!

В отличие от меня, робкого, даже боязливого водителя, Аркадий носится по городу, словно черт с пропеллером. Он скачет по трамвайным путям, рулит по газонам, не всегда обращает внимание на знаки и нагло пользуется незаконно установленными спецсигналами. Но сейчас он побил все свои рекорды. Не прошло и десяти минут, как дверь сервиса распахнулась, и на пороге возник Кеша. Я посмотрела в его сердитое лицо и завалила хвостом.

– Извини, бога ради, но...

– Ну-ка, – велел Аркадий, – покажи механика. Вон тот, ага! Сиди тут!

Через четверть часа сын снова вошел в зал ожидания.

– Все, поехали.

– Как? Уже починили?

– Да, шевели каблуками.

Мы вышли во двор.

– Садись, – велел Аркадий, – «Пежо» в полном порядке.

– Но они говорили...

– Мать, лампочку поменять левое дело.

– А цапфа! – возмутилась я.

Внезапно Кеша развел руки в стороны, присел и сказал:

– Ку-у-у.

– Что с тобой? – испугалась я.

– Ничего. Фильм «Кин-дза-дза» помнишь? Они там постоянно «ку-у-у» кричали и тоже то ли цапфу, то ли цапф искали, – расхохотался сын.

Я потрясла головой.

– Ты хочешь сказать... Пойжди, а отвалившийся пол? Извини, я сама видела, под мотором нет ничего!

Кеша крякнул, влез в свою машину, потом вылез, открыл капот и велел:

– Гляди.

– Ой! И у тебя дна нет, – испугалась я, – как же ты едешь! Немедленно на сервис!

– Мать, – вымолвил Аркадий, сдавленным голосом, – под мотором ничего и быть не должно!

– Как?

– Так!

– Но в салоне-то пол есть!

– Верно. А под мотором нет.

– Почему?

Аркашка облокотился на «Пежо», его буквально складывало пополам от смеха.

– Муся, – простонал он, – купи в магазине учебник по автоделу. Узнаешь массу интересных деталей. Цапфы в «Пежо» нет, тормозных колодок у руля тоже, о колесах из вспененной резины и говорить не хочу. От водительского кресла не может шибануть током в пятьсот вольт...

– А полировка от ворон? – растерянно поинтересовалась я.

Кеша вытащил носовой платок, промокнул глаза и простонал:

– Наивная ты моя! Незачем тебе учебник читать, это я погорячился, не ездю никуда, кроме как в сервис к Диме! Цапфа, умереть не встать. Ну нельзя же быть такой идиоткой!

Вымолвив последнюю фразу, наш адвокат сел за руль и полетел, не разбирая дороги, вперед. Я включила мотор. Идиотка! Обидно, ей-богу! Идиотия – болезнь, диагноз. А у меня это просто отсутствие необходимых знаний. Ну-ка, мои милые, положите руку на сердце, скажите, кто из вас знает всю правду про цапфу? Вот-вот! Более того, я абсолютно уверена, что многие мужчины с удовольствием бы заказали полировку от ворон. Не может человек знать абсолютно все, тот же Аркадий ни за что не ответит на вопрос, что такое целлюлит и с чем его едят!

Продолжая возмущаться, я поехала в сторону проспекта. Ладно, пусть я – идиотка, но мне сейчас предстоит справиться со сложной задачей: доказать, что наша семья не имеет никакого отношения к убийству бедной Милы, Звонареву отравил муж. И Машка, и Зайка великолепно видели падение Людмилы на пол после того, как рука мужа проехала по лицу жены. Если бы это утверждала одна Ольга, я могла бы усомниться, предположила бы, что Заюшка ошиблась, но ведь Машка подтвердила слова невестки. Дело за малым, найти доказательство виновности Константина и продемонстрировать их сначала Артуру Пищикову, а потом и следователю. А начну я с ерунды. В своем письме Костя утверждает, что, подумав над ситуацией, решил более не злиться на жену и поехал в Ложкино, чтобы успокоить нервы. Но, когда он увидел Милу в холле, гнев снова охватил мужика. Да и понятно почему. Катя Симонян-то соврала ему, будто Людмила сидит у нее. Наверное, эту версию Костя озвучил и следователю, Звонаревым руководил хитрый расчет. То, что супруга у нас, он не знал, более того, был уверен, что женушка сплетничает с подружкой. Следовательно, Звонарев никак не мог подготовить убийство, встреча с Милой произошла случайно, Костя лишь решил надавать врунь оплеух, отравили Милу раньше, за ужином в Ложкине.

Вроде логичный рассказ, обеляющий Звонарева. Но милый Костик слегка просчитался, я сейчас поручу к Катке и задам ей один простой вопрос:

– Ну-ка, скажи, когда последний раз ты болтала с Костей?

Симонян вытаращит свои огромные карие глаза и воскликнет:

– Не помню. Наверное, в марте, когда с днем рождения поздравляла!

И это будет первым доказательством того, что Звонарев врал, а маленькая ложь, как известно, рождает ложь большую.

Глава 8

Увидав меня, Катька раздраженно воскликнула:

– Ты?

– Я.

– Без звонка!

– На минуточку заглянула.

Симонян нахмурилась.

– Я не ждала гостей, не убрано у нас.

Я заулыбалась.

– Ерунда, видела бы ты нашу кухню.

Ну не говорить же Катюхе правду: у тебя всегда жуткий бардак! Сколько помню, у Симонян постоянно пыльно, а на креслах и диванах лежат горы вещей, причем порой самых неожиданных. В большой комнате, около телевизора может обнаружиться зимняя резина для «Жигулей» или невесть как попавший сюда баллон с пропаном. Один раз я стала свидетелем замечательной сцены. Муж Катьки, Арам, зашел в гостиную, где мы с его женой рассматривали журналы по домоводству, и заорал:

– Никаких сил нет! Никакого порядка! Никакой аккуратности! Правильно моя мама говорит: жениться следовало на армянке. Вы, русские бабы, грязнули!

Приступ национализма накатывает на Арама, как правило, в воскресенье, после визита к любимой мамочке. Свекровь-армянка терпеть не может невестку и всякий раз поет сыну одну и ту же песню: Катя хорошая женщина, но она не наша, ой, не наша! Сациви делать не умеет, баклажаны не фарширует, гостей в доме не привечает, мужу подобострастно не прислуживает. Ох, Арамчик, зря ты не послушал маму, следовало идти в загс с Лианой, она своей свекрови пятерых родила, а твоя лишь на одного согласилась, да еще назвала ребенка Эдиком. Разве ж это имя для мальчика? Жу-жу-жу, гыр-гыр-гыр, гав-гав-гав...

Получив дозу материнских нотаций, Арам приносится домой и кидается на Катьку. Та, великолепно зная, в каком настроении муж заявится от маменьки, бойко отбивает удары, и вечер воскресенья заканчивается воплем:

– Развод и девичья фамилия.

Утром в понедельник супруги мирно завтракают вместе и всю неделю живут душа в душу до следующего выходного.

Но день, когда я посетила Катьку, был средой, и Симонян искренне удивилась.

– Арамчик! С какой стати ты сегодня ездил к Розе Варкесовне?

Супруг затопал ногами.

– Не трогай мою маму! Лучше сыном займись! Глянь на стол.

Я невольно посмотрела туда, куда указывал разозленный муж, и ухмыльнулась – на ска-терти громоздилась пара отвратительно здоровых ботинок.

– Они чистые, – бросилась защищать мальчика Катя, – я только сегодня купила. Эдик их еще не надевал.

– Туфлям место в прихожей, – завопил Арам, – немедленно убери, пока я их из окна не швырнул.

Катька фыркнула, но встала, взяла штиблеты и понесла их в коридор.

– Безобразие, – воскликнул Арам и убежал, правда, ненадолго.

Спустя несколько мгновений он вернулся, таща в руках ржавую, грязную трубу, то ли глушитель, то ли еще какой кусок от «Жигулей». Сопя от напряжения, Арам водрузил железку на обеденный стол и ушел. Я расхохоталась, на мой взгляд чистые, ненадеванные ботинки куда

лучше покрытого копотью металлолома. Хотя и обуви, и запчастям явно не место среди чашек и тарелок.

Поэтому сейчас Катьке незачем петь про беспорядок, она в нем постоянно живет.

– И чего ты хотела? – недружелюбно спросила Симонян.

– Голова очень заболела, – соврала я, – ехала как раз мимо твоего дома. Дай, думаю, загляну, таблеточку попрошу, небось найдется что-нибудь типа аспирина...

На лице Катьки отразилась мука, видно было, как в душе Симонян сейчас идет битва. С одной стороны, ей дико не хотелось впускать меня, с другой – неприлично отказать хорошей знакомой в такой малости, как аспирин.

Воспитание победило, Симонян навесила на лицо улыбку.

– Вползай.

– Спасибо, – защебетала я, – ей-богу, я ненадолго!

Аспирин у безалаберной Катьки не обнаружилось, Симонян подвигала ящичками и заявила:

– Нету таблеток.

Я обрадовалась.

– Ерунда, наплескай мне чайку, и все как рукой снимет.

– Зато имеется вот это! – торжествующе заявила Катерина, выуживая из недр шкафчика яркую упаковку. – Классная вещь, со вкусом банана.

подавив отвращение, я опустошила стакан, в котором шипела жидкость неприятного, резко желтого цвета. Странное дело, я очень люблю бананы, готова есть их целыми днями, но почему все лекарства с банановой отдушкой имеют столь мерзкий вкус? Вот загадка.

– Легче стало? – осведомилась Катька.

– Просто оживаю, – пробормотала я и схватила со стола карамельку.

Может, сумею забить невероятные ощущения во рту?

– Это погода, – вздохнула Симонян, – то холодно, то жарко.

– Я не метеозависима, просто понервничала.

Глаза сплетницы Катьки вспыхнули огнем.

– С невесткой поругалась? – с надеждой воскликнула она. – Или с детьми чего случилось?

– Слава богу, нет!

– И по какой причине дергаешься? – не успокаивалась Катя. – Заболела, да?

– Никак не могу Звонареву из мыслей выбросить!

Симонян всплеснула руками.

– Во жуть! Костя просто Отелло. Хотя я Милку предупреждала: будь осторожна, неровен час просечет и накостыляет по шее. Но то, что он ее жизни лишит, я и в голове не держала. Скорей уж Милка должна была его пристрелить, сколько раз тут сидела и плакала: «Он меня не любит, на сторону глядит, небось любовницу завел. Узнаю правду – убью его».

Катька схватила чайник, вытащила из коробки пакет, плюхнула его в кружку и плеснула сверху воду. Ниточка с бумажкой моментально утонула в кипятке, Симонян ножом поддела размокший листочек и поставила передо мной чашку.

– Угощайся.

Я вздохнула, темную жидкость украшали разводы. То ли неряха Катька взяла грязную посуду, то ли нож был в масле.

– Наверяд ли Милка и впрямь хотела Костю убить.

Катька дернула плечом.

– Думаю, тебе о ее проблемах ничего не известно!

– Сделай одолжение, расскажи.

Симонян плюхнулась на стул.

– Ну слушай.

Я наострила уши, Катька самозабвенная сплетница, для нее нет большей радости, чем растрепать всему свету о чужих тайнах.

– Помнишь небось, кем Милка работала? – с горящими глазами воскликнула Симонян.

– Естественно, в кино снималась.

– Вот, ты прямо в корень проблемы угодила! Мила звезда, а Костя кто? Так, не пришей кобыле хвост. Никому не известная личность, потом, деньги, Мила очень хорошо зарабатывала...

Я пыталась спокойно слушать рассказ Симонян. Вроде Катька говорит правду, Мила в последнее время красовалась на всех программах. Включишь первый канал – Звонарева в бальном платье кружится в вальсе, нажмешь вторую кнопку – снова Людмила, на этот раз в образе нищенки, переберешься на СТС – здравствуйте, вновь она, скачет на лошади или рыдает, заламывая руки.

А еще Милу, киноголичную, интеллигентную, образованную, охотно звали во всякие ток-шоу. Да и получала она очень хорошо, Костя не мог по заработку сравниться с женой. Кстати, кем он работал? Я напрягла память. Вот странно, точное место службы старого приятеля я не назову, знаю лишь, что у него техническое образование и что служба Кости каким-то боком связана с авиацией.

Так что на первый взгляд Симонян права – удачливая, обеспеченная жена и муженек, никому не известный инженериска.

Но на самом деле ситуация обстоит по-иному! Востребованной лицедейкой Мила стала всего пару лет назад, до этого она рыдала от счастья, получив роль со словами: «Кушать подано».

Семью худо-бедно содержал Костя. Он мотался по командировкам, гробил здоровье в самолетах, поездах и гостиницах, чтобы прокормить и одеть трех баб: жену, маму и тещу. Впрочем, особого достатка у Звонаревых никогда не имелось, Костя трудился «на унитаза». Но мне всегда казалось, что Мила любит мужа, ну пусть не с такой страстью, как в первые годы брака, но ее чувства, слегка потускнев, не исчезли вовсе.

– Ты себе представить не можешь, – тарыхтела Катька, – что Костя за тип. Жадный до опупения. Кстати, последние годы он Милке ни копейки на хозяйство не давал! Тратил заработанное на себя, а раньше! Сунет ей пару бумажек и орет: «Все! Не шикай, скромно живи, больше получек в этом месяце не предвидится».

Если Мила позволяла себе некие радости, в виде губной помады, перчаток или духов, супруг шел пятнами от злости.

– Отвратительно, – визжал он, – мы живем без запаса. А если со мной инфаркт приключится? И ты, и моя мама по миру пойдете!

– Я только косметику купила, – пыталась оправдаться Милка.

– А ну покажи щеки, – начинал еще сильнее злиться супруг, – живо!

Первое время, услышав приказ мужа, Мила дрожащей рукой протягивала «отчетный документ», и, как правило, начинался новый виток скандала.

– Ага, – вопил муженек, – заплатила такие деньжищи за пудру! Ты в курсе, сколько я получаю? Впрочем, люди из любых доходов на черный день откладывают, а у нас пшик!

Мила сделала выводы и стала вести себя по-иному. Нет, вы ошибаетесь, если полагаете, что она завела амбарную тетрадь и принялась тщательно записывать свои траты, анализируя семейный бюджет. Конечно, многие журналы рекомендуют безалаберным хозяйкам именно такое поведение, обещая не слишком богатым и при этом малоразумным женщинам, что их достаток от сей нехитрой процедуры резко возрастет.

Но, на мой взгляд, учитывать доходы и соотносить их с расходами надо людям, которые не особо стеснены в средствах. Вот они как раз способны потратить тысячи на ерунду.

А что за смысл заниматься «калькуляцией» нищей тетке? Ну занесет она в тетрадку: «Отдала двадцать рублей на продукты» и что? Купюр станет больше? Или психологи предполагают, что, увидав запись, бедняжка скажет себе: «Ага! Не следовало покупать хлеб, деньги бы при мне остались». Но кушать-то хочется! Как ни крути, а две десятки никогда не превратятся в две тысячи, отложи их в коробочку – покроются пылью, но никоим образом не размножатся. Можно, впрочем, сунуть «накопления» в банк, под проценты. И снова выйдет ерунда, потому что хороший прирост дает лишь большой капитал. Не слишком обеспеченной бедняжке лучше поразмыслить на иную тему, ей не следует пытаться затырить свои копейки. Нет, пораскинь мозгами и подумай, где можно заработать рубли. Думается, нужно опасаться не больших трат, а маленькой полочки. Но ради повышения заработка надо крутиться, менять работу, суетиться, в общем, забыть о спокойном распорядке дня и отдыхе, поэтому многие женщины попросту дурят мужа, и на вопрос: «Сколько же стоила новая кофточка?» – лихо врут: «Сущие пустяки. Она из коллекции позапозапрошлого года, я приобрела ее на распродаже».

Мила пошла тем же путем, чеки она больше домой не приносила. Денег у Звонаревых, как вы догадываетесь, больше не появилось, зато жизнь стала спокойней.

Ну а после того, как Милочка внезапно превратилась в звезду, Костик притих. Первое время он, правда, злился и орал на супругу.

– Опять новые брюки! Ты офигела!

Но потом Милка бросила перед ним журнал и, ткнув пальцем в глянцевую станицу, велела:

– Читай. Вслух!

Удивленный Костик уставился в статью и озвучил текст:

– *«Модная нонче актрисулька Звонарева смело может заслужить звание самой жадной бабы Москвы. Зарабатывая немереные тыщи, она с сентября (напомним, что сейчас декабрь) появляется на тусовках в одном и том же платье. Ай-ай-ай, Милочка, нас не обмануть! То пришьете бантик, то воротничок приляпаете, то поясочек нацепите, но базовая шмотка одна. Десять баллов за скупердяйство».*

– Понял, идиот? – прошипела Мила. – Я теперь публичный человек, не жаль несчастная. Кстати, я зарабатываю на порядок больше тебя. Какое право ты имеешь указывать, как мне собственные деньги тратить?

Костя прикусил язык, он прекратил ругать жену за непомерные расходы. Это с одной стороны, но с другой – Звонарев более не давал супруге денег на хозяйство. Милка не стала требовать, как она говорила, копейки. Ее гонораров за съемки вполне хватало на безбедную жизнь для всей семьи. Супруги сделали ремонт, купили хорошую иномарку и стали посещать дорогие магазины. Со стороны их жизнь казалась безоблачно счастливой, но Катя Симонян, близкая подруга Милы, знала, что благополучие касается лишь финансов.

Последний год Звонарева, придя к Симонян, с порога начинала закипать.

– Боже! Костя меня просто ненавидит. Денег не зарабатывает, благодарности ко мне не испытывает! Зудит целыми днями! Да еще мамаша его, ополоумевшая баба! Ноет и ноет, прямо домой идти не охота.

Первое время Катька пыталась помочь Миле и давала ей примитивные советы, типа:

– Съездите вместе отдыхать, быт убивает любовь.

Мила послушалась закадычную подругу, они с Костей отправились сначала в Париж, а потом в Испанию, на море. Но ничего хорошего из совместного отпуска не получилось. В Мекке влюбленных Звонаревы ежедневно ругались, а в Испании чуть не убили друг друга, споря по любому пустяку.

Вернувшись, Мила мрачно сказала Кате:

– Он не способен выдерживать меня более пяти минут рядом.

– Так разведись, – воскликнула Катька, – что вас держит вместе?

Мила вздохнула.

– Я его люблю.

– Глупости!

– Потом квартира.

Катька всплеснула руками.

– Господи! Ты с ума сошла! Ее можно разменять.

– Ага! И жить в дыре!

– Ты же вполне можешь себе сейчас любую купить, – напомнила Симонян.

– Ну да, – нехотя признала Мила, – оно вроде так!

– Что тогда не так?

– Машина...

– Милка! – окончательно вышла из себя Симонян. – Не пори чушь! Если мужик не способен находиться рядом с тобой, следует расстаться. За фигом мучиться? Ты же материально независима.

– А имидж?

– Чего? – не поняла Катька.

– Дура ты, – вздохнула Звонарева, – я звезда, следовательно, обязана думать о производимом на людей впечатлении. У зрителя сложился мой образ: милая, слегка наивная, чуть глуповатая особа, тонко переживающая неприятности, хорошая жена, замечательная невестка, преданная дочь. Если сейчас затеять развод, то это впечатление разрушится. Газеты начнут смаковать детали разрыва, и люди не пойдут на фильмы с моим участием.

Катя заморгала, но потом нашла нужные слова:

– Том Круз и Николь Кидман разбежались, да масса голливудских звезд постоянно меняет партнеров. Наши тоже не отстают, однако народ все равно в кино таскается.

– Кое-чего я тебе не объясню, – вздохнула Мила, – есть продюсеры, режиссеры, спонсоры, и они хотят, чтобы у Звонаревой была определенная репутация. Нет, терпеть мне Константина до смерти.

Симонян пожала плечами, она была абсолютно уверена: коли хочешь развестись – ничто не помешает, мигом забудешь и про роли, и про гонорары. Значит, в планы Милы не входит разрыв с мужем. Жалуется она на Костю, ноет, страдает, но разбежаться с опостылевшим супругом не собирается. Следовательно, ее что-то связывает со Звонаревым. Неужели любовь?

А еще через некоторое время Мила попросила Катю:

– Слышь, если Костька тебе позвонит, скажи, что мы в кино сидим. Я в туалет отошла, или еще чего-нибудь придумай. А сама мне на мобильный звякни. Запиши номер.

– Он у меня есть, – тихо ответила Катька.

Мила хихикнула.

– Не, это новый. Я специально дешевую сим-карту приобрела, только тебе номерок скажу. Свой мобильный отключу, а то неровен час он вычислит, где я.

– Как же Костя такое проделает?

Мила прищурилась.

– Эх, Катюха! Сейчас чего только нет! Аппараты специальные продаются, такие коробочки, а к ним карта Москвы. Человек звонит тебе на мобильный, и хоп! Мигом видит, где ты стоишь, много всяких придамбасов имеется. Еще можно мне трубочку поменять на другую, идентичную. Я подмену и не замечу, а зря, потому что новый аппарат – хитрая штучка, Костя его без моего ведома включить может.

– Как? Зачем? – стала удивляться ничего не понимающая Симонян.

Звонарева со снисхождением посмотрела на подругу.

– Наивняк. Ладно, объясню. Костя набирает номер, но мой сотовый не звонит, не гудит, не пищит, вообще никаких признаков жизни не подает. Но на самом деле телефончик не спит,

он превращается в передающее устройство. Константин великолепно слышит теперь все звуки в радиусе до двадцати метров вокруг меня. А поскольку мобильный, как правило, носят при себе, то муженек окажется в курсе всех моих дел. Более того, посредством подобного телефона легко можно подслушивать мои разговоры, единственный способ избавиться от шпиона – выключить его. Но как это проделать, не вызывая у супруга подозрения? Ну с какой стати среди дня я отрубилась?

– Ну... ты на съемочной площадке или не подзарядила мобильник!

– У меня сейчас перерыв в работе.

– Тогда... э... в кино!

– Вот, правильно. Поэтому я и купила новую сим-карту. Усекла? Звонарев ничего о ней знать не будет, другой мобильный в машине держать стану.

– Вдруг он к тебе в тачку сядет и на сотовый наткнется, – предостерегла ее Катька.

– Пустяки, – отмахнулась Милка, – скажу, ты забыла. Специально приобрела старую модель, Костька знает, мне с такой запахло появляться.

– Мила изменяла мужу, – констатировала я.

Катька пожала плечами.

– Мне она говорила, что ходит в косметическую клинику на фотоомоложение. Процедуры надо делать полтора года, долго, зато эффект безо всяких операций сногшибательный. Косте же она о манипуляциях рассказывать не собиралась. Муженек вечно все маменьке выбалтывал, а Елена Марковна потом Нине Алексеевне плешь проедала, зудела: «Вот ваша дочь...» Милке скандалы опостытели, она решила тайком омолодиться, лицо для актрисы визитная карточка, рабочий инструмент.

– И ты ей поверила? – закричала я.

Глава 9

Катька хмыкнула.

– Неа.

– Но помогала!

– А ты бы отказала?

Я вздохнула.

– Нет, конечно.

– И незачем меня упрекать, – надулась Катька.

– Просто я констатирую факт: ты покрывала Милку.

– Любая на моем месте так поступит, – злилась Симонян.

Я вздохнула. Многие женщины доверились подружкам и жестоко поплатились за свою наивность. Вот, например, Альбина Максимова, она тоже решила наставить муженьку рога и попросила Таню Риткину прикрыть ее. Танюшка согласилась, Альбинка поехала с кавалером на дачу, а Риткина мигом позвонила обманутому супругу и раскрыла тому глаза. И каков результат: разгневанный муж выгнал провинившуюся жену из дома, а через короткий срок женился на... Таньке. Вот и делайте вывод, стоит ли сообщать подружкам о всех своих тайнах! Впрочем, кое-кому из нас повезло, допустим, мне. Ни Оксана Глод, ни Маша Трубина, даже если их подвергнут страшным пыткам, никогда не выдадут Дашутку. Я могу смело бегать от мужа налево, девочки «отмажут» изменницу. Одна деталь – я не замужем и никому ничем не обязана. И еще, наверное, я плохо разбираюсь в людях, потому что до сегодняшнего дня считала Катьку Симонян жуткой сплетницей, не способной удержать на языке никакие тайны. А она, оказывается, настоящая подруга, раскрывшая рот лишь после смерти Милки.

– Он ее убил, – бурчала Катька, – и я знаю за что!

– Всем понятно, за измену.

– Ты про дурацкую ситуацию с Интернетом, – махнула рукой Катька, – не о ней говорю!

– А о чем ведешь речь?

– За неделю до смерти, – тихо сообщила Симонян, – принеслась ко мне Милка...

Я старательно запоминала нужную информацию.

Катька, увидав на пороге взволнованную Звонареву, решила, что та явилась опять жаловаться на мужа, но Мила неожиданно сказала:

– Больше не могу. Устала.

– Конечно, – закивала Катька, – виданное ли дело! Иззвездилась вся! Со съемки на съемку скачешь! Этак и нервный срыв заполучить недолго, поезжай отдохнуть.

– Надо ковать железо пока горячо, – пробормотала Мила, – не о работе речь!

– Если снова заведешь стоны о Костике, то лучше не начинай, – предостерегла ее Катька, – ты мое отношение к ситуации знаешь. Развод...

– Нет, – перебила ее Мила, – как раз я хочу все рассказать мужу.

– Что? – вытаращила глаза Симонян.

– Правду.

– Какую? – еще больше изумилась Катька и потом деликатно закончила: – О фотоомоложении?

Мила стала водить пальцем по скатерти.

– Я тебе наврала, – наконец сообщила она, – ни в какую клинику не хожу!

– Да я уж поняла! – воскликнула Катя.

– Ничего ты не поняла и понять не сможешь, – тихо сказала Мила, – потому что правды не знаешь, а если я сообщу тебе истину, то не поверишь. Я попала в ужасную ситуацию, скорей всего меня в живых не оставят.

Катерина вздохнула, понятно, Мила учит новую роль. Несколько раз Звонарева до икоты пугала подругу, заявляя той:

– Я смертельно больна, – или, – злой рок преследует моих детей, они сброшены в пропасть.

Сначала Катя хваталась за сердце, но, спустя пару мгновений вернув себе способность соображать, кричала:

– У тебя же нет ни сына, ни дочери!

Звонарева мотала головой, ее глаза меняли выражение, и актриса сообщила:

– Ох, прости, Катюх! Как получу сценарий, так все, кранты, вживаюсь по полной. Очень, честно говоря, подобная особенность жить мешает, я уже перестаю понимать, где я сама, а где героиня очередной ленты.

Симонян привыкла к ее истерикам, но так и не научилась разбираться, когда Милка плачет от настоящей обиды, а когда ее слезы вызваны очередным разучиваемым сценарием. Поэтому, увидав сейчас Звонареву, заламывающую руки, Катя просто принялась разливать чай, а Мила тем временем грустно вещала:

– Никогда я не уронила чести мужа, верна ему и чиста, как слеза младенца. Просто некий человек, о, не могу открыть его имя, втянул меня в очень важное, государственное дело. Если узнаешь, кто он и чем я занимаюсь в последнее время, – упадешь в обморок. От сведений, добытых мною, зависит судьба многих людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.